

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

I.

БЫЛЬ НА БЕРЕГАХЪ НЕВЫ

ВЪ 1703 ГОДУ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДРАМА, ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ,

Константина Масальскаго.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

ИЛЯ СЕРГѢЕВИЧЪ ИВАНОВЪ, московскій дворянинъ.

ВАСИЛІЙ, сынъ его

ПОЛКОВНИКЪ КАРПОВЪ.

КАРЛЪ КАРЛОВИЧЪ НОЛЬКЕНЪ, Шведъ.

ГУСТАВЪ, сынъ его.

ХРИСТИНА, дочь его.

ЭЛІАСОНЪ, финскіи рыбакъ.

СТЕПАНОВЪ, капракъ.

ШТЫКОВЪ, солдатъ.

ЮЛІАНА, работница Нолькена.

Нѣсколько солдатъ Преображенскаго полка.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ВЪГЛЕЦЪ.

I.

Театръ представляетъ здѣсь; вдали небольшая рѣчка; съ правой стороны русская изба о трехъ окнахъ, съ лѣвой — шведскій, сельскій домъ о пяти окнахъ, съ особымъ крыльцомъ и со свѣтелкою о двухъ окнахъ наверху. Весь этотъ домъ выкрашенъ темно-красною краскою, съ бѣлыми бордюрами около всѣхъ оконъ и около двери на крыльцѣ.

ИВАНОВЪ. Не знаю, что будетъ со мною! Сынъ мой ушелъ на охоту, но принесетъ-ли онъ какую-нибудь добычу? Пороху у него очень немного осталось. Если ничего не принесетъ, мы умремъ съ голоду. Боже мой! Такъ-ли жилъ я въ Москвѣ? Я тамъ имѣлъ свой небольшой, уютный домъ, гдѣ умеръ мой отецъ и гдѣ я родился, имѣлъ въ окрестностяхъ Москвы наследственную деревню. И всего этого я лишился. А кто виновать? Я, я одинъ! Пользуясь моею неопытностью, моею молодостью злые люди увлекли, сдѣлали участникомъ безумнаго бунта стрѣльцовъ. Ахъ, для чего я не послушался тогда голоса совѣсти, голоса Бога, который неумолкаемо говоритъ въ сердцахъ нашихъ отъ младенчества до старости. Вотъ до чего дошелъ я! Живу въ этой хижинѣ бѣглецомъ, нищимъ, на чужой сторонѣ, въ безлюдной пустынѣ, въ шведской землѣ, въ землѣ враговъ моего отечества; на родину, на милую родину, не смѣю возвратиться! Тамъ ожидаетъ меня плаха и топоръ палача, заслуженный мною. Навсегда, навсегда загородилъ я себѣ дорогу на мою милую родину!

II.

ИВАНОВЪ и ВАСИЛІЙ.

ИВАНОВЪ. Ну что, Вася? Удачна-ли была охота?

ВАСИЛІЙ. Плоха, батюшка! У меня всего было пороху на два заряда. Отъ этой мысли, что-ли, ружье дрожало въ рукѣ. Далъ два непростительные промаха! Этого никогда еще со мною не случалось, какъ ты самъ знаешь!

ИВАНОВЪ. Что-же мы станемъ дѣлать? Придется голодать сегодня.

ВАСИЛІЙ. Охота не удалась, такъ, авось, рыбная ловля будетъ счастливѣе. Поѣду на Неву и наловлю рыбы.

ИВАНОВЪ. Но чѣмъ-же ты наловишь? Ты самъ мнѣ говорилъ вчера, что у тебя сѣть изорвалась, и ни одной удочки нѣтъ.

ВАСИЛІЙ. Правда!.. Я и самъ не знаю, что намъ, батюшка, дѣлать!

ИВАНОВЪ. Послушай, Вася! Я измѣнилъ Государю, и отечеству. По грѣхамъ моимъ Богъ справедливо меня наказываетъ. Но за что — же ты страдаешь вмѣстѣ со мною? Ты еще былъ вотъ этакимъ маленькимъ, когда я бѣжалъ сюда изъ Москвы. Ты составлялъ все мое семейство, послѣ смерти незабвенной твоей матери. Я взялъ тебя съ собою, и вотъ, ты выросъ на чужой сторонѣ, въ землѣ вражеской. Ты не виноватъ ни въ чемъ. Вася! милый сынъ мой! Вернись въ Россію, на родину, изъ этой чужой земли. Тамъ ты найдешь счастье, котораго достоинъ за свое доброе, благородное сердце. Обо мнѣ не безпокойся! Позабудь меня. Мнѣ не долго осталось жить на свѣтѣ. Добрые сосѣди не дадутъ мнѣ, старыку, умереть голодною смертию, и меня похоронятъ по-христіански, когда умру. Чувствую, что эта минута не далека. Когда-же дойдетъ до тебя вѣсть, что отецъ твой умеръ, помолись Богу о душѣ моей. Не губи своей молодости за преступленіе отца! Вернись въ Россію!

ВАСИЛІЙ. Никогда! никогда! Не говори мнѣ этого, батюшка! Чтобы я покинулъ роднаго отца въ горѣ, въ старости, въ бѣдности?.. Нѣтъ! Я лучше самъ умру сто разъ, но тебя не покину! Да и какъ-бы приняли меня на родинѣ земляки мои послѣ такого низкаго поступка? Всѣ стали-бы корить меня, и мнѣ было-бы стыдно взглянуть въ глаза всякому доброму и честному человѣку.

ИВАНОВЪ. Боже! благодарю тебя! Вижу, что твое милосердіе без-

конечно и къ преступникамъ! Милый сынъ мой! Ты меня утѣшилъ... Да будетъ надъ тобой благословеніе Божіе! Обними меня! Предоставимъ судьбу нашу Его безпредѣльной благодати.

III.

ТѢЖЕ и ХРИСТИНА. Она выходитъ изъ шведскаго дома, съ лейкой въ рукѣ.

ХРИСТИНА. Здравствуй, старичекъ, здравствуй, Василій! А вотъ, я иду на рѣчку за водой, чтобы цвѣты полить въ моей свѣтелкѣ и въ нашемъ садикѣ.

ВАСИЛІЙ. Христина Карловна, братецъ дома или нѣтъ?

ХРИСТИНА. Онъ съ ранняго утра ушелъ на охоту и еще не возвращался. А что?

ВАСИЛІЙ. У меня до него просьба. Не можетъ-ли онъ мнѣ одолжить нѣсколько патроновъ пороху, или удочки?

ХРИСТИНА. У него и самого осталось очень мало пороху. И удочки, кажется, нѣтъ. Ходилъ онъ вчера въ Калинкину деревню, что на взморьѣ, чтобы купить тамъ пороху и разныхъ запасовъ для охоты и рыбной ловли. Но тамъ ему сказали, что купецъ, который около этого времени каждый годъ туда пріѣзжалъ и съ порохомъ и съ другими товарами, не пріѣдетъ ужъ нынче.

ВАСИЛІЙ. Почему?

ХРИСТИНА. А потому, какъ братъ мой слышалъ, что въ нашей сторонѣ скоро будетъ война.

ИВАНОВЪ. Война? Съ кѣмъ война?

ХРИСТИНА. Говорятъ, что съ русскимъ Царемъ. Онъ въ прошломъ году, какъ вы сами знаете, при истокѣ нашей Невы изъ Ладожскаго Озера, взялъ нашу шведскую крѣпость Нетебургъ, которую переименовалъ Шлиссельбургомъ. А въ нынѣшній годъ онъ, какъ слышно, хочетъ взять крѣпость Пёншанцъ, которая вонъ тамъ, версты за четыре или за пять отсюда, и завоевать всю нашу Неву отъ Ладожскаго Озера вплоть до Финскаго Залива.

ИВАНОВЪ. Боже мой!.. Слышишь, Вася?

ВАСИЛІЙ. Отъ кого ты это все узнала, Христина Карловна? Полно правда-ли?

ХРИСТИНА. А почему я знаю. Это все мнѣ рассказалъ братъ; но батюшка на него разсердился и сказалъ, что это вздоръ. Я и сама думаю, что вздоръ. Но я заговорила съ вами. Пора мнѣ цвѣты мои полить. (*Черпаетъ воду въ рѣчку и уходитъ въ свой домъ.*)

III.

ИВАНОВЪ и ВАСИЛІЙ.

ИВАНОВЪ. Вася! Ты все слышалъ, ты видишь, что мнѣ здѣсь оставаться нельзя. Мнѣ надо бѣжать дальше, дальше! Сынъ мой, умоляю тебя, вернись на родину, забудь преступнаго отца твоего! За что ты будешь еще страдать со мною?

ВАСИЛІЙ. Я уже тебѣ сказалъ, батюшка, что ни за что на свѣтѣ я тебя не оставлю. Этому не бывать! (*Беретъ свое ружье*). Не надо отчаяваться! Пойду опять въ лѣсъ, отыщу моего друга, Густава. Онъ вѣрно мнѣ одолжитъ немножко пороху. Успокойся, батюшка! Вернусь не съ пустыми руками. (*Уходитъ*).

IV.

ИВАНОВЪ и НОЛЬКЕНЪ.

НОЛЬКЕНЪ. Доброе утро и, даже можно сказать, добрый день, сосѣдь почтениѣйшій! Солнце-то ужъ порядочно поднялось, какъ вижу. Дочка мнѣ сказала, что у васъ въ домѣ порохъ весь вышелъ и что ни одной удочки нѣтъ, а по этой причинѣ вы не можете для обѣда вашего застрѣлить какую-нибудь птицу, или поймать какую-нибудь рыбу. Правда?

ИВАНОВЪ. Правда, Карлъ Карлычъ.

НОЛЬКЕНЪ. А что-жъ ты думаешь дѣлать, сосѣдь любезный?

ИВАНОВЪ. Думаю отсюда бѣжать.

НОЛЬКЕНЪ. Какъ бѣжать! Куда бѣжать? Для чего бѣжать? Что съ тобой, г. Ивановъ! Живемъ мы съ тобой двадцать лѣтъ рядомъ, добрыми сосѣдями, въ дружбѣ и согласіи, научилъ ты меня и моихъ дѣтей говорить по-русски, а я тебя и твоего сына научилъ говорить по-шведски, и дѣти наши любятъ другъ друга, словно родные; дѣлили мы съ тобой пополамъ и радость, и горе, никогда не ссорились; а онъ вздумалъ бѣжать! Я, что-ли надоѣлъ тебѣ? Или моя болтушка-дочка чѣмъ-нибудь тебя огорчила и расстрожила? Я ее побраю. О! весьма

побраню! Бранить сыновей и дочерей, по моему мнѣнію, необходимо и, даже можно сказать, полезно, хотя съ другой стороны, можно сказать, это бываетъ очень неприятно для отцовскаго сердца.

ИВАНОВЪ. Христина ни въ чемъ не виновата! Не сердись на нее, Карлъ Карлычъ!

НОЛЬКЕНЪ. Да отчего-же ты вздумалъ бѣжать?

ИВАНОВЪ. Развѣ ты не слыхалъ, что русскій Царь хочетъ взять крѣпость Ніеншанцъ и завоевать всю Неву до Финскаго Залива.

НОЛЬКЕНЪ. Тю! тю! тю! Все это однѣ дудки, любезный, и, даже можно сказать, пустяки! Я вижу, что моя глупая дочка тебѣ все это наболтала, а она повѣрила своему разумнику братцу. Задамъ-же я имъ обоимъ головомоіку.

ИВАНОВЪ. Да за что, Карлъ Карлычъ? Если они сказали, можетъ быть, правду.

НОЛЬКЕНЪ. Правду! правду! Не можетъ быть это правдой! Это неимовѣрно, невѣроятно, и даже, можно сказать, сомнительно.

ИВАНОВЪ. Увѣренъ ли ты, Карлъ Карлычъ, что все это—ложные слухи?

НОЛЬКЕНЪ. Увѣренъ, совершенно увѣренъ! Неужели ты думаешь, что нашъ король позволить вашему Царю брать у него крѣпости словно орѣхи? Замѣть мою острогу, г. Ивановъ, Нётебургъ по шведски значить орѣхъ-крѣпость, или, пожалуй, крѣпость-орѣхъ.

ИВАНОВЪ. Да вѣдь эта крѣпость-то была не орѣхъ. Трудно было ее взять; однакожь Царь взялъ же въ прошломъ году. Почему ты думаешь, что того-же не случится въ нынѣшнемъ году съ Ніеншанцомъ?

НОЛЬКЕНЪ. А потому, что Ніеншанцъ укрѣпленъ превосходно; что нашъ, шведскій гарнизонъ въ этой крѣпости многочисленъ и храбръ до невѣроятности; что тамъ пронасть пушекъ, мортиръ и всякаго оружія. Военныхъ и съѣстныхъ припасовъ заготовлено года на два. Сверхъ того, я знаю отъ вѣрнаго человѣка, что къ устью нашей рѣки Ніенъ, которую вы, Русскіе, неправильно называете Невою, вскорѣ придетъ изъ Стокгольма сильная эскадра шведскихъ военныхъ кораблей. Въ случаѣ нужды всѣ эти корабли поднимутся до Ніеншанца, чтобы съ рѣки помочь гарнизону и отразить нападеніе русскихъ. Но я никакъ не полагаю, чтобы земляки твои отважились на такое опасное дѣло. Это было бы съ ихъ стороны глупо, и даже можно сказать, неблагоприятно. Но оставимъ всѣ эти пустые слухи и опасенія! Я пришелъ сюда совѣмъ не за тѣмъ. Миѣ дочь сказала, что у васъ весь порохъ вышелъ, и что нѣтъ у васъ ни сѣти, ни удочки. Правда?

ИВАНОВЪ. Правда.

НОЛЬКЕНЪ. Что-жъ вы станете дѣлать?

ИВАНОВЪ. И самъ не знаю, любезный сосѣдь!

НОЛЬКЕНЪ. А вѣришь-ли, что я люблю тебя?

ИВАНОВЪ. Какъ не вѣрить! Ты мнѣ въ теченіе двадцати лѣтъ былъ постояннымъ, вѣрнымъ другомъ.

НОЛЬКЕНЪ. Христина! иди сюда!

V.

ТЪ-ЖЕ и ХРИСТИНА.

ХРИСТИНА выходитъ изъ дверей шведской избы, держа въ одной рукѣ уду, а въ другой нѣсколько патроновъ пороху.

НОЛЬКЕНЪ. Ну, вотъ, видишь-ли, сосѣдь любезный и мой вѣрный другъ! Молодежь иногда бранитъ стариковъ, что они черезчуръ бережливы, скушы. А вотъ, не спрячь я этой удочки, этихъ патроновъ пороху на черный день, давно уже не было-бы ни удочки, ни патроновъ. Я ихъ дарю тебѣ, любезный сосѣдь. Помочь ближнему въ нуждѣ—истинное наслажденіе и, даже можно сказать, не малое удовольствіе.

ИВАНОВЪ. Добрый ты человекъ, Карлъ Карлычъ! Отъ искренняго сердца благодарю тебя. Постараюсь отплатить тебѣ добромъ за добро.

VI.

ТЪ-ЖЕ, ВАСИЛІЙ и ГУСТАВЪ.

ВАСИЛІЙ. А вотъ, батюшка! я говорилъ, что не надо отчаяваться. Я отыскалъ въ лѣсу Густава: онъ мнѣ одолжилъ нѣсколько пороху, и вотъ, я принесъ четырехъ рябчиковъ, двухъ куропатокъ, трехъ бѣскасовъ и глухаря.

НОЛЬКЕНЪ. Это прекрасно и, даже можно сказать, хорошо! А ты, Густавъ, принесъ-ли что-нибудь?

ГУСТАВЪ. Принесъ двухъ рябчиковъ, четырехъ тетерекъ, утку и зайца

НОЛЬКЕНЪ (*разсматривая разложенную передъ нимъ дичь*).

И хорошо! Видишь-ли, любезный г. Ивановъ! Ты думалъ сегодня,

что умрешь съ голоду, и что тебѣ необходимо отсюда бѣжать. А посмотри-ка: сколько намъ Богъ послалъ! Вотъ тутъ, я вижу, есть рябчикъ, есть куропатки, есть тетерки, бекасы, утка и даже, можно сказать, есть заяцъ и глухарь. Обѣдъ и твой и мой вполне обезпечены на завтра и, даже можно сказать, дня на четыре. Это пріятно! Очень пріятно! А такъ какъ ты, любезный сосѣдъ, не успеешь сегодня къ обѣду ни сварить, ни изжарить принесенную твоимъ сыномъ дичь, то я прошу васъ обоихъ отобѣдать вмѣстѣ со мною, чѣмъ Богъ послалъ. Работница моя, подъ надзоромъ Христины, изготавитъ русскую уху, которую ты самъ научилъ меня варить; потомъ будетъ у меня жареная, отличная лососина съ приправой, потомъ... Да чтожъ ты, Христина; тутъ дѣлаешь? Такъ-то ты надзираешь за моей работницей, которая обѣдъ готовитъ?

ХРИСТИНА. Я разсматриваю дичь, батюшка.

НОЛЬКЕНЪ. Это не твое дѣло! Я всю дичь пересмотрѣлъ и нашелъ ее удовлетворительною. Лучше поди, позаботься о сегодняшнемъ обѣдѣ.

ХРИСТИНА. Какой славный глухарь! Это ты застрѣлилъ, братъ?

ГУСТАВЪ. Нѣтъ, не я, а Василій.

ХРИСТИНА. Превосходный глухарь! Я такихъ еще не видывала.

НОЛЬКЕНЪ. Христина! я вижу, что ты, разсматривая глухаря, сама превратилась въ такую-же глухую тетерку. Развѣ ты не слышала, что я сказалъ?

ХРИСТИНА. Не слышала, батюшка! извините!

НОЛЬКЕНЪ. Я сказалъ, чтобы ты шла домой присмотрѣть за нашей работницей, которая обѣдъ готовитъ.

ХРИСТИНА. Иду, чейчасъ иду, батюшка.

НОЛЬКЕНЪ. Постой! Дай подумать. Миѣ кое-что пришло въ голову. *(приставляетъ палецъ ко лбу).*

ХРИСТИНА. Удивительный глухарь! Это ты застрѣлилъ, Василій?

ВАСИЛІЙ. Я, Христина Карловна.

ХРИСТИНА. А со сколькихъ разовъ ты убилъ такую большую птицу? Ты, я думаю, выстрѣлилъ въ нее разъ пять?

ВАСИЛІЙ. Что ты, Христина Карловна! Я убилъ ее однимъ выстрѣломъ.

ХРИСТИНА. Неужели?

НОЛЬКЕНЪ. Христина! ты, я вижу, все болтаешь. Пойдешь ли ты сегодня присмотрѣть за приготовленіемъ обѣда?

ХРИСТИНА. Иду, батюшка, сейчасъ иду!

НОЛЬКЕНЪ. Постой!... Миѣ пришла вотъ какая мысль. Погода прекрасная, самая весенняя! У! какой пріятный воздухъ! Я такого благо-

раствореннаго воздуха давно не нюхалъ. Послушай, Христина! Вели паней работницѣ накрыть столъ здѣсь, подъ открытымъ небомъ. Такого высокого, такого великолѣпнаго потолка не найдешь въ самыхъ роскошныхъ палатахъ. Любезные сосѣди и пріятели! Я васъ приглашаю и прошу отобѣдать сегодня со мною.

ХРИСТИНА (*Василью*). Какого ты убилъ прекраснаго глухаря, Васильй, ну право, онъ величшною съ гуся!

НОЛЬКЕНЪ. Опять глухарь! Да что съ тобой, дочь моя? Ты, кажется, помѣшалась на этомъ глухарѣ. Ведь можно, пожалуй, подумать, что не эта птица тебѣ собственно правится, а что ты берешь въ ней особенное участіе, думая объ охотникѣ, который ее застрѣлилъ.

ХРИСТИНА. Ну вотъ еще, батюшка! Съ чего вы это взяли? Это неправда, неправда! Я пойду и похлопочу объ обѣдѣ. (*Уходитъ*).

VII.

ТѢ-ЖЕ, КРОМѢ ХРИСТИНЫ.

НОЛЬКЕНЪ. Гмъ, глухарь!... Не поймешь этихъ молодыхъ дѣвушекъ! У нихъ часто приходятъ въ голову престранныя мысли и, даже можно сказать, преглушыя. Не правда-ли, г. Ивановъ?

ИВАНОВЪ. У меня дочери не было и нѣтъ: такъ я не могу быть въ этомъ дѣлѣ судьейю.

НОЛЬКЕНЪ. А! ты защищаешь дѣвушекъ. Я изъ этого вижу, что ты угодникъ прекраснаго пола!

ИВАНОВЪ. Я!... что ты, Карлъ Карлычъ!... Вспомни мои лѣта.

НОЛЬКЕНЪ. Что лѣта! Я на своемъ вѣку видывалъ стариковъ, которые были гораздо постарше тебя, а между-тѣмъ....

ИВАНОВЪ. Да перестань, сдѣлай милость; Карлъ Карлычъ. Съ чего пришли тебѣ въ голову такія странныя мысли?

НОЛЬКЕНЪ. Съ чего?... Съ чего?... Да пришли эти мысли съ этого глухаря.

ИВАНОВЪ. Завтра его изжаримъ и съѣдимъ, чтобъ его и въ поминѣ не было. Сегодня ты, любезный сосѣдъ, подбиваешь меня обѣдомъ, а завтра, надѣюсь, ты не откажешься отобѣдать у меня, вмѣстѣ съ твоимъ сыномъ и дочерью?

НОЛЬКЕНЪ. Съ большимъ удовольствіемъ, сосѣдъ, съ большимъ удо-

вольствіемъ! Ба! Кто это къ намъ идетъ? А! это нашъ общій знакомый, Юганъ Эліасонъ.

VIII.

ТЪ-ЖЕ, и ЭЛІАСОНЪ.

ЭЛІАСОНЪ. Новости, новости! Да какія новости! У! я утивлялась, што мой тлинна волосъ не поднялася на верхъ.

НОЛЬКЕНЪ. Чтò съ тобою, любезный пріятель?

ИВАНОВЪ. Скажи скорѣе, Эліасонъ: чтò такое?

ЭЛІАСОНЪ. Сейшасъ скашу: тай тухъ переводить.

ВСЪ. Да что такое? Говори скорѣе!

ЭЛІАСОНЪ. Въ морѣ такой тишина, што просто, шудо! Ни малѣйшая вѣтерокъ! Я въ моей лотка, съ моими сѣтью и моими работниковъ, такъ забирался талеко въ море, что сама испугивался! Поднимись вѣтра расхотись волнъ, моя лотка пошолъ пы и тута, и сюда, какъ шепка. Она пы непременно перевертывалася ногою вверхъ, а мы всѣ пошла на вода рыпка и словить. Я и прикасала вернуть насать. Рюгъ * вишу столько пальшой корапль, што и шиталъ не можно. Я плюву тальши, но капитанъ или атмиралъ съ отного корабль кришитъ менѣ въ большой трупъ: «Стой! Прити сюта!» Я скасала: ай, ай, ай! и вилѣла своимъ рапотникъ шивѣй рапотаить весломъ, штопъ скорѣй пѣшать. Но ругъ пушка съ корапль — цуфъ!.. и ятръ пролетѣла очень илизко отъ лотка, запрыгивала по вода и насъ всѣхъ опрызнулъ съ нога то головъ. Я опять скасала: ай! ай! ай! и велѣла плыть на корапль. Пушка польше не стрѣльнулъ. Шветскій матроса втаскивалъ меня на корапль за воротникъ по веревка-лѣстницъ. Я увитывала на корапля кашитанъ или атмиралъ. Онъ мнѣ скасала: »Кто ты такая?» Я ему скасала: «Юганъ Эліасонъ, финска рыпакъ». Онъ опять меня спросила: Ты шветска поттанной?» Я ему сказала: «Та! шветская поттанной». За шѣмъ-же ты отъ насъ бѣгивалъ?» спросила капитанъ или атмиралъ: «За-тѣмъ

* Вдругъ. Финны, какъ извѣстно, съ большимъ трудомъ могутъ выговаривать три зап да же двѣ согласныя буквы; рядомъ стоящія. Они большею частію произносятъ одну изъ такихъ буквъ.

бѣгивала, што ошень испугивался»—отвѣчивалъ я. «Скаши мнѣ» спросила атмираль: «можешь-ли ты все мой корабль провести въ устье рѣки Ніенъ, чтопы на мель и на камня не попатать? Снаешь-ли ты все камня, все мель и фарватеръ?» Я скасала ему: «Эй муста! то-есть: не снаю». Она сказала мнѣ: туракъ! и меня прогоняла. Я и поѣхала сюта пѣгомъ на веслы, а все польшой корабль бросалъ якорь и стала на отно мѣста, затѣмъ, што въ морѣ ни малѣйша вѣтеръ нѣтъ.

НОЛЬКЕНЪ. Ну вотъ, видите-ли, господа! Я увѣренъ, что нашъ пріятель Эліасонъ видѣлъ въ морѣ шведскую эскадру, которую нашъ король послалъ изъ Стокгольма, для защиты Ніеншанца и для отраженія русскихъ. Они, какъ слухи носятся, хотять завоевать до самого моря нашу прекрасную рѣку Ніенъ.

ВАСИЛІЙ. То-есть: Неву?

НОЛЬКЕНЪ. Ахъ, Василій! Тысячу разъ говорилъ я, что Неву выдумали вы, русскіе, и что Невы нѣтъ на свѣтѣ. Нашу славную шведскую рѣку называютъ: Ніенъ! Ніенъ!.. слышишь-ли? Ніенъ!

ВАСИЛІЙ. Слышу, Карлъ Карлычъ.

НОЛЬКЕНЪ. Ну, а что, мои любезные друзья и сосѣди! Полно намъ спорить и ссориться. Не пора-ли за столъ? Я думаю, что моя Христина обѣдъ ужъ приготовила. Прошу и тебя, Юганъ, отобѣдать вмѣстѣ съ нами. Ты меня порадовалъ доброю вѣстью. Сильная шведская эскадра сюда плыветъ! Гарнизонъ въ Ніеншанцѣ такъ же храбъ и непобѣдимъ, какъ войны нашего незабвеннаго короля, Густава Адольфа. Мой прадѣдъ служилъ солдатомъ въ его войскахъ и мнѣ достался отъ него въ наслѣдство палашъ, который я теперь, въ старости, съ трудомъ поднимаю, но все-таки, въ случаѣ крайней нужды, могу еще вынуть для защиты моего отечества. Гдѣ русскимъ взять Ніеншанцъ и отнять у насъ рѣку Ніенъ!

ВАСИЛІЙ. Богъ еще знаетъ, Карлъ Карлычъ, чѣмъ дѣло-то кончится!

НОЛЬКЕНЪ. Что ты! что ты, молодой человѣкъ! Вздумалъ спорить со старикомъ, котораго прадѣдъ служилъ въ непобѣдимыхъ войскахъ Густава Адольфа?

ВАСИЛІЙ. Извини, Карлъ Карлычъ! Не сердись на меня. Мое мнѣніе, можетъ быть, и неосновательно, но я высказалъ его откровенно. Хитрить и лгать грѣшно и неблагородно.

НОЛЬКЕНЪ. Хитрить и лгать, молодой человѣкъ, не только грѣшно и неблагородно, но, даже можно сказать, подло и непростительно. Что ты скажешь на это, сосѣдъ мой любезный?

ИВАНОВЪ. И сынъ мой, и ты, Карлъ Карлычъ, сказали правду.

НОЛЬКЕНЪ. Я очень этому радъ. Очень рѣдко случается, чтобы двое, которые между собою разговариваютъ, сказали вмѣстѣ правду. Однѣ непременно солжеть и даже, можно сказать, всего чаще случается, что оба солгутъ. Но кажется пора обѣдать. Что тамъ дѣлаетъ моя дочь? Христина! Христина! Вели скорѣе подавать на столъ! Спокойно можемъ мы отобѣдать, увѣряю тебя въ томъ! г. Ивановъ! Русскимъ невзять Нѣншанца, не завоевать нашей прекрасной рѣки. Весь гарнизонъ Нѣншанца храбръ, какъ мой прадѣдъ, служившій при великомъ королѣ Густавѣ Адольфѣ, а эскадра нашихъ шведскихъ кораблей, которая плыветъ сюда, точно также храбра и непобѣдима. Конечно! По нашей шведской поговоркѣ: будемъ веселиться и обѣдать. Христина! Христина! Да куда ты запропастилась? Вели скорѣе на столъ накрывать.

IX.

ТѢЖЕ, ХРИСТИНА и ЮЛИАНА, работница НОЛЬКЕНА.

ХРИСТИНА. Вы, батюшка, звали меня? Обѣдѣ совсѣмъ готовъ. Сейчасъ наша работница столъ накроетъ.

НОЛЬКЕНЪ. Накрывай скорѣе.

ЮЛИАНА. Сейчасъ!

ХРИСТИНА. Я тебѣ помогу.

ЭЛІАСОНЪ. Очень радъ видѣть васъ, Христина Нолькенъ! Вотъ тебѣ вѣнокъ изъ пизапутка! Я напралъ его въ полота по самая поясъ въ вода.

ХРИСТИНА. Благодарю тебя, Юганъ Эліасонъ! Для чего ты такъ беспокоился?

ЭЛІАСОНЪ. Я и самъ не снай, для шего я такъ беспокоилась. А вотъ ешо я приносила для твой патюшка шивая рыбки. Она сдѣсь, въ польшое ветро, который я поставляла за этотъ берево. Вотъ она! *(Приноситъ ведро).*

ХРИСТИНА. Какая прекрасная форель! Батюшка, Юганъ Эліасонъ дарить тебѣ эту рыбу.

НОЛЬКЕНЪ. Что? что такое?

ХРИСТИНА. Юганъ Эліасонъ дарить вамъ форель.

НОЛЬКЕНЪ. Что это тебѣ вздумалось, любезнѣйшій? Для чего тебѣ такъ для меня убытчишься?

ЭЛАСОНЪ. Я и самъ не снай для шего мнѣ вегумалась убытчи ваться.

НОЛЬКЕНЪ. Возьми-же свою рыбу назадъ.

ЭЛАСОНЪ. Мой не путеть праль этотъ рына насатъ. Онъ твой.

НОЛЬКЕНЪ. Пожалуйста, возьми назадъ.

ЭЛАСОНЪ. Ни за што на свѣтъ! Рына твой!

НОЛЬКЕНЪ. Какой странный человекъ и, даже можно сказать упрямый!

ЭЛАСОНЪ. Ты сама упрямый. Пери моя рына и польше ни словъ. Не то я пуду разсертиться.

НОЛЬКЕНЪ. Нечего дѣлать! Прими, Христина подаренную рыбу. Благодарю тебя, отъ сердца благодарю, за твой подарокъ. Густавъ! Изъ нашей настрѣленной дичи отблагодари Югана Эласона какъ слѣдуетъ.

ГУСТАВЪ. Хорошо, батюшка!

ЭЛАСОНЪ (*громко и какъ будто съ досадою*). Не пата!

НОЛЬКЕНЪ. Какъ не надо! Да что ты, любезнѣйшій? Меня даришь, а отъ меня подарка принять не хочешь!

ЭЛАСОНЪ. Не пата!

НОЛЬКЕНЪ. Какой чудакъ!

ЭЛАСОНЪ. Топра Христниъ! За моя незапутка потари мнѣ этотъ цвѣтка, который у тебя на грутъ.

ХРИСТИНА. На что онъ тебѣ?

ЭЛАСОНЪ. Я снай для шего!

НОЛЬКЕНЪ. Христина! Потѣшь Эласона, который сдѣлалъ тебѣ и мнѣ пріятный подарокъ. Отдай цвѣтокъ, котораго ему хочется.

ХРИСТИНА. Вотъ онъ! Бери!

ЭЛАСОНЪ. Вотъ это хороша, это пріятна! (*Втыкаетъ цвѣтокъ въ петлю своего кафтана*).

НОЛЬКЕНЪ. А! я вижу, что столъ уже накрытъ, и русская уха распространяетъ пріятный запахъ. Милости просимъ за столъ, господа, милости просимъ! (*Всѣ садятся за столъ. Работница Нолькена прислуживаетъ, сначала всѣ молчатъ; подаютъ второе блюдо. Начинается разговоръ, который постепенно становится все громче и живѣе*).

НОЛЬКЕНЪ. Что за прекрасная погода, сегодня!

ВАСИЛІЙ (*Густаву*). Какая славная уха!

ГУСТАВЪ. Я тебѣ скажу правду, Василій! Тебѣ удалось застрѣлить отличнаго глухаря.

ЭЛАСОНЪ (*Христиинъ*). Прекрасна Христиинъ! Твой цвѣтка стѣсь, у меня. (*Указываетъ на петлю кафтана*).

ХРИСТИНА. Очень рада, если это тебѣ пріятно.

НОЛЬКЕНЪ. А что—же, господа! Зачѣмъ это старое, шведское пиво тутъ поставлено? Неужто для виду? Наливай веѣмъ стаканы, Христина! Что ты такъ мой любезнѣйшій г. Ивановъ задумался? Развеселись!

ИВАНОВЪ. Постараюсь, Карлъ Карлычъ, чтобы не нарушить пріятной и веселой бесѣды.

ЭЛАСОНЪ (*про себя*). Какой прекрасный, славный нивъ!

НОЛЬКЕНЪ. Эхъ, сосѣдъ! Да что ты пось повѣсилъ? Ты вѣрно все боишься русскихъ, которые, какъ слышно, грозятся взять Ніеншанць и отнять у насъ рѣку Ніенъ? Гдѣ имъ!... Я пью за твое здоровье!

ИВАНОВЪ. Благодарю! И я пью за твое здоровье, Карлъ Карлычъ!

ЭЛАСОНЪ (*Христиинъ*). Я тепѣ путу еще приносите рыба, прекрасна Христиинъ.

ХРИСТИНА. Не надо, Юганъ Эласонъ.

ЭЛАСОНЪ. Ната!

ВАСИЛІЙ. Я пью за твое здоровье, Густавъ!

ГУСТАВЪ. А я за твое.

НОЛЬКЕНЪ (*Иванову*). Любезнѣйшій сосѣдъ! За этимъ веселымъ, пріятельскимъ обѣдомъ у тебя такое печальное лицо, какъ—будто ты на похоронахъ, или, даже можно сказать, на поминкахъ.

ИВАНОВЪ. Да, любезный Карлъ Карлычъ! Я ширю на поминкахъ по своей милой, незабвенной, невозвратной родинѣ!

ВАСИЛІЙ. Батюшка! Позабудь прошлое!

НОЛЬКЕНЪ. Извини меня, извини, сосѣдъ! Вотъ, за обѣдомъ, всегда какъ нибудь проврешься! Я чувствую, что я тебѣ некстати напомнилъ твое глубокое, сердечное горе! Извини меня, сосѣдъ любезный! Но русскихъ ты не бойся! Ніеншанць постоитъ за себя! Храбрая шведская эскадра, какъ я полагаю, завтра—же, если не сегодня, всплыветъ въ нашу глубокую Ніенъ, и мы веѣмъ безопасны! Русскихъ отразятъ. (*Слышна отдаленная пальба изъ пушекъ и ружей. Гдѣ вскакиваютъ изъ—за стола*).

ИВАНОВЪ. Пальба!

НОЛЬКЕНЪ. Господи! Что это такое?

ГУСТАВЪ. Я думаю, что шведскіе корабли съ моря приближаются къ Ніену и даютъ сигналы Ніеншанцу.

ВАСИЛІЙ. И я тоже думаю.

ЭЛІАСОНЪ. Я нишего не тумай!.. Прекрасна Христинъ! Если это пришелъ русска, то я тея пугу сажать на свой лотка и увозить талеко, талеко!

ХРИСТИНА. Да развѣ я могу бросить здѣсь своего отца! Ахъ, какъ стрѣляютъ!

ГУСТАВЪ. Василій! Бери свое ружье. Я беру свое. Пойдемъ, узнаемъ, что такое? (*Уходятъ*).

X.

ТѢЖЕ, кромѣ **ГУСТАВА** и **ВАСИЛІЯ.**

НОЛЬКЕНЪ. Я полагаю, что это не что иное, какъ сигналы съ нашей шведской эскадры.

ИВАНОВЪ. Нѣтъ! это русскіе, русскіе! Миѣ моя совѣсть это сказала!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ОСАДА ШЕНШАНЦА.

I.

Внутренность шведскаго дома. Слева каминъ и дверь. Справа окно. На задней стѣнѣ нѣсколько картинъ и огромный палашъ. Дверь посрединѣ.

НОЛЬКЕНЪ, **ИВАНОВЪ** и **ХРИСТИНА.**

НОЛЬКЕНЪ (*Сидя въ креслахъ передъ каминомъ и мѣшая дрова кочергою*). Тусанъ тунноръ іевларъ! Ты, можетъ быть, не понимаешь

этого шведскаго восклицанія , г. Ивановъ Я тебѣ его переведу. Это значитъ: тысяча бочекъ чертей! Если я употребилъ такое сильное выраженіе, то ты, конечно, поймешь, что эта песносная пальба, которая началась еще вчера во время нашего обѣда, не дала мнѣ спать цѣлую ночь на пролетѣ, и вотъ теперь только утромъ она насилу прекратилась.

ИВАНОВЪ. Я думаю, что русскіе взяли Ніеншанць.

НОЛЬКЕНЪ. Быть не можетъ! Я полагаю, что шведская эскадра выльла уже въ рѣку Ніень, и что она вмѣстѣ съ гарнизономъ крѣпости уничтожила русскихъ, если они осмѣлились напасть на Ніеншанць.

ХРИСТИНА. О! Боже мой! Боже мой! Меня очень беспокоитъ неизвѣстность: что сдѣлалось съ братомъ моимъ Густавомъ и съ Васильемъ. Они ушли еще вчера и до-сихъ-поръ не возвращаются. Что съ ними? Я боюсь за нихъ!

НОЛЬКЕНЪ. Они возвратятся, дочь моя. Будь въ этомъ увѣрена! Не тревожь себя по напрасну, и не огорчай нашего любезнаго сосѣда. Что намъ русскіе!.. Ты забыла, что у сосѣда есть отличное ружье и сабля, а у меня есть палашъ, — вонъ, посмотри! — (*указываетъ на стѣну*) палашъ, которымъ прадедъ мой рубилъ враговъ подъ предводительствомъ нашего нешобѣдимаго короля, Густава Адольфа. Христина! говорю тебѣ, не беспокойся спой намъ лучше пѣсенку. Ты на это мастерица.

ХРИСТИНА. Какую-же пѣсню спѣть?

НОЛЬКЕНЪ. Какую хочешь.

ИВАНОВЪ. Спой, пожалуйста, Христина Карловна, ту русскую пѣсню, которой я тебя выучилъ, и которую я такъ люблю.

ХРИСТИНА. Изволь, Илья Сергѣичъ!

(*Поетъ*).

Я разстался съ милой родной,
Мнѣ ее ужъ не видать!
На чужой-ли, на сторонущкѣ
Вѣкъ пришлось мнѣ доживать.

Ахъ, любилъ тебя я, родина!
Измѣнилъ тебѣ я самъ!
И теперь я каюсь, мучуся!
Нѣтъ конца моимъ слезамъ.

Сердце храброе, удалое
И теперь кипитъ въ груди!
Гдѣ-же счастье бывалое?
Только горе вперед!

НОЛЬКЕНЪ. Что это? что это? Дочь, перестань! Отъ твоей глупой пѣсни любезный сосѣдъ нашъ и другъ рыдаетъ и, даже можно сказать, плачетъ. Свой пѣснию повеселѣ! Ну, хоть нашу шведскую, веселую пѣснию, которую ты знаешь.

ХРИСТИНА. Хорошо, батюшка!

(Поетъ).

Ну снѣга! скорѣ тайте!
Съ горь и скаль ручьи сбѣгайте!
Зеленѣйте лѣсъ и лугъ!
Вотъ весна и радость вдругъ!

(Танцуетъ).

Прочь отъ насъ морозъ и вьюга!
Соловьи, пришельцы съ юга,
Прилетѣли къ намъ, поютъ,
И восторгъ намъ въ сердце льютъ.

НОЛЬКЕНЪ. Bravo, bravo, дочь моя! Да перестань, сосѣдъ, хмуриться! Ну что! Горя много въ жизни, — это правда! Но за то милости у Бога больше, чѣмъ у насъ горя.

II.

ТЪ-ЖЕ, ВАСИЛІЙ и ГУСТАВЪ.

ВАСИЛІЙ (радостно). Русскіе взяли Ніеншанць!

НОЛЬКЕНЪ. Что?! Быть не можетъ!

ВАСИЛІЙ. Говорю тебѣ, Карлъ Карлычъ, что русскіе взяли Ніеншанць, и что теперь на главной башнѣ этой крѣпости развѣвается русскій флагъ.

ИВАНОВЪ (про себя). Слава Богу! Слава Богу!.. Да будетъ воля Божія со мною!

НОЛЬКЕНЪ. Густавъ! Я сомнѣваюсь! Неужели русскіе взяли нашу крѣпость? Какимъ чудомъ они взяли?

ГУСТАВЪ (мрачно). Взяли!

НОЛЬКЕНЪ. Это дѣло невѣроятное и, даже можно сказать, удивительное! Можетъ быть, мой сынъ ошибается. Скажи ты мнѣ правду, Василій!

ВАСИЛІЙ. Я уже сказалъ тебѣ правду, Карлъ Карлычъ. О! какъ я радъ!

ГУСТАВЪ. Чему-же ты такъ радуешься? Развѣ ты не шведскі подданный? Развѣ не живешь съ младенчества въ нашей сторонѣ?

ВАСИЛІЙ. Не пріеягалъ я вашему королю!

ГУСТАВЪ. Ты, кажется, забылъ, Василіи, что я шведъ.

ВАСИЛІЙ. А ты, Густавъ, не забудь, что я русскій. Ахъ! какими молодцами русскіе взяли Ніеншанць! И шведы, правду сказать, отражали ихъ храбро, на славу! Но все-таки наша взяла!

ИВАНОВЪ (про себя). Сынъ мой радуется побѣдѣ русскихъ! Завидую ему, онъ имѣетъ на это право. А я-то, а я-то?.. Боже мой! *(закрываетъ лицо руками)*.

НОЛЬКЕНЪ. Успокойся, любезный сосѣдъ! Ты, я вижу, сильно расстроуженъ и огорченъ! Не вѣрь имъ, а вѣрь мнѣ, старику: наши сыновья обманулись ложными слухами.

ГУСТАВЪ. Я сказалъ правду, батюшка!

ВАСИЛІЙ. Мы съ Густавомъ видѣли сами сраженіе отъ начала до конца. Когда мы пошли отсюда на берегъ Невы, то увидѣли нашего пріятеля Эліасона. Онъ плылъ въ своей лодкѣ, вверхъ по рѣкѣ, по направленію къ Ніеншанцу. Увидѣвши насъ, онъ присталъ къ берегу и сказалъ, что ѣдетъ узнать: отчего въ Ніеншанць такая сильная и необыкновенная пальба. Мы попросили его взять насъ съ собою. Онъ согласился. Плыть на веслахъ противъ теченія, какъ сами знаете, трудно. Уже совсѣмъ стемнѣло, когда мы увидѣли Ніеншанць. На всѣхъ стѣнахъ его сверкали пушечные выстрѣлы. Съ востока поднималась черная, дождевая туча. И на этой черной тучѣ явственно обрисовалось огромное, бѣлое облако пороховаго дыма, который клубился надъ всею крѣпостью. Это облако безпрерывно освѣщалось выстрѣлами, словно тучи зарницею. Около Ніеншанца мы увидѣли нѣсколько баттарей, съ которыхъ стрѣляли безпрерывно изъ пушекъ по крѣпости. Мы поняли, что русскіе обложили Ніеншанць. Эліасонъ, чтобы обезопасить себя и насъ отъ выстрѣловъ, подѣхалъ къ самому берегу Невы. Около Ніеншанца, какъ вы сами знаете, берегъ довольно высокъ и весь поросъ ивами и густыми кустарниками, которые развѣсались надъ рѣкою. Подъ этимъ зеленымъ сводомъ мы благополучно миновали крѣпость и пробрались дальше. И вотъ, въ одномъ мѣстѣ, гдѣ берегъ пониже и кустарники не такъ густы, увидѣли мы на берегу русскую батарею. Двѣнадцать мортиръ стрѣляли съ нея залпомъ. При оглушительномъ громѣ бомбы взвивались въ воздухъ дугами, словно огненные змѣи, и падали въ крѣпость. Мы все притаили дыханіе. Вдругъ раздался новый залпъ съ батареи, и изъ всѣхъ двѣнадцати мортиръ вылетѣли брандекугели. Стало свѣтло, какъ днемъ. Мы разсмотрѣли тогда капитана и поручика пре-

ображенской бомбардирской роты, которые этою батареею командовали. Наружность капитана меня поразила. Онъ былъ выкаго роста. Лицо его сіяло удивительнымъ величіемъ и спокойствіемъ. Черные волосы, которые у него вились кудрями по плечамъ, черныя, густыя брови и усы придавали ему видъ необыкновенно мужественный. Поручикъ немного уступалъ ростомъ капитану и также былъ молодецъ собою. Они оба переходили отъ мортиры къ мортирѣ и, казалось, совсѣмъ не думали о непріятельскихъ ядрахъ и картечахъ, которыя около нихъ безпрестанно жужжали. Какъ прекрасенъ былъ капитанъ, когда онъ взмахивалъ своею шпагою и громко командовалъ: «Пли!» Въ одинъ мигъ съ этимъ словомъ раздавался залпъ двѣнадцати мортиръ. У! громъ какой!... Это трудно вообразить. Вдругъ Эліасонъ съ видимою тревогою на лицѣ сказалъ намъ шопотомъ. «Знаете-ли вы: кто этотъ капитанъ и кто этотъ поручикъ?» Мы въ одинъ голосъ съ Густавомъ спросили: «Кто?»— Самъ русскій царь, Петеръ и Шлиссельбургскій губернаторъ, князь Меншиковъ, отвѣчалъ Эліасонъ. Ну, а онъ знаетъ, до войны со Швеціею овъ не разъ бывалъ въ Россіи. У насъ невольно дрогнуло сердце; но, не смотря на опасность, мы неподвижно сидѣли въ лодкѣ. скрывшись за кустарникъ и съ неизъяснимымъ чувствомъ, которое походило и на страхъ и на восторгъ, не могли отвести глазъ отъ грознаго и величественнаго зрѣлища. Наконецъ, въ пятомъ часу утра пальба прекратилась съ крѣпости и съ русскихъ батарей. Комендантъ вступилъ въ переговоры, которые кончились тѣмъ, что крѣпость сдалась. Преображенскій полкъ и Семеновскій, съ распущенными знаменами, при звукѣ торжественной музыки, вступили въ Ніеншанцъ и теперь, какъ я уже сказалъ, развѣвается на башнѣ шведской крѣпости бѣлый флагъ съ чернымъ, двуглавымъ орломъ.

НОЛЬКЕНЪ. Если это такъ, то что намъ дѣлать, любезный сосѣдъ? Въ-самомъ-дѣлѣ твое положеніе...

ИВАНОВЪ. Понимаю! Прощай, мой любезный сосѣдъ! Я иду дальше, дальше, куда глаза глядятъ! Прощай!

ВАСИЛІЙ. Я иду съ тобою, батюшка! Хоть-бы ты на край свѣта!

ИВАНОВЪ. Для чего! Ты не присягалъ шведскому королю, ты не измѣнялъ отечеству. Вернись на родину, и будь счастливъ, а обо мнѣ позабудь!

ВАСИЛІЙ. Чтобы я тебя оставилъ и забылъ! Нѣтъ! этому не бывать! Самъ русскій царь сказалъ-бы: «Стыдно тебѣ! Зачѣмъ ты покинулъ отца своего?»

НОЛЬКЕНЪ. И нашъ король, безъ сомнѣнія, сказалъ-бы то-же самое. Послушай, любезнѣйшій сосѣдъ! Съ сожалѣніемъ вижу, что тебѣ не-

обходимо отсюда удалиться. Но надобно подумать о мѣрахъ, какъ это сдѣлать лучше и безопаснѣе.

III.

ТЪ-ЖЕ и ЭЛІАСОНЪ.

ЭЛІАСОНЪ. А вотъ и я пришла. Допрый веѣмъ утро!

НОЛЬКЕНЪ. Правда-ли, что Ніеншанць взяли русскіе?

ЭЛІАСОНЪ. Та! правда! Русска всяла наша рѣцность. Я сама это витѣла. Допрый утро тебѣ, прекрасна Христинѣ. Я тумай, што пушка тебѣ цѣлыйи ночь спать помѣшиваль.

ХРИСТИНА. Это правда! Мы цѣлую ночь глазъ не смыкали.

ЭЛІАСОНЪ. Такъ сии тецерь. Не то головъ шутеть полѣть.

ХРИСТИНА. До сна ли тецерь, Юганъ!

ЭЛІАСОНЪ. А што? Запѣмъ не спать? Ты, вѣрно, русская царь поинься? Не ната поинься! Онъ славная, тоцрая, великая царь! Я сама пывала въ Руссія, и я это снай. Ити спать, Христинѣ!

ХРИСТИНА. Помилуй! Уснешь-ли тецерь, когда въ наши стороны нагрянула война.

ЭЛІАСОНЪ. А што война? Я витѣла война отъ вчерашна вешерь до сеготнишійи утрѣ. Ятра шушшаль, помпа леталь, пуля свисталь! Нишево! Я старова!

НОЛЬКЕНЪ. Послушай, Юганъ Эліасонъ! Я согласенъ съ мнѣніемъ моей дочери, что тецерь спать невозможно и, даже можно сказать, неудобно. Какъ можно спать, когда слѣдуетъ съ минуты на минуту ожидать появленія русскихъ солдатъ, и когда, можетъ-быть, придется мнѣ, для защиты своей дочери, схватить этотъ палашъ, который виситъ на стѣнѣ, этотъ палашъ, которымъ...

ЭЛІАСОНЪ. Которымъ твоя пратѣтъ рушила? Это я тавно слыхала. А сашѣмъ палашъ! Русска царь тоцрая, великотушная! Это я снай!

ГУСТАВЪ. Послушай, батюшка! Ты хотѣлъ подумать о средствахъ: какъ бѣжать отсюда нашему сосѣду.

НОЛЬКЕНЪ. Спасибо, что напомнилъ.

ИВАНОВЪ. Благодарю тебя, сосѣдъ, за дружескія заботы обо мнѣ. Я ихъ не стою! Пусть будетъ со мною, что Богу и русскому царю угодно! Ахъ! еслибъ вы могли заглянуть тецерь въ мое сердце, еслибъ могли понять мои чувства, мое позднее раскаяніе!..

ВАСИЛІЙ. Батюшка! Успокойся! Ради Бога, успокойся!

ГУСТАВЪ. Не отчаявайся! У тебя есть друзья.

ЭЛАСОНЪ. Та! та! Есть трусья!

НОЛЬКЕНЪ. Вотъ что надобно сдѣлать. Ты знаешь, Юганъ, Каменный островъ, который два рукава нашей рѣки Ніенъ обтекають?

ЭЛАСОНЪ. Снай.

НОЛЬКЕНЪ. Такъ вотъ, видишь-ли что. Густавъ приготовитъ нашу лодку. Мы доставимъ сосѣда и его сына на берегъ Каменнаго острова. Тамъ, кромѣ дремучаго лѣса, болотъ и волковъ никого нѣтъ! А ты, Юганъ, дождайся у другаго берега, со своей лодкой, на которую мы теперь-же общими силами перенесемъ все ихъ пожитки. Ты перевезешь ихъ съ Каменнаго острова на твердую землю, то-есть, на выборгекій берегъ. Тамъ они уже будутъ въ шведской сторонѣ и уйдутъ безопасно, куда имъ заблагоразсудится.

ЭЛАСОНЪ. Мой лотка путеть готовъ у Каменной острова!

ГУСТАВЪ. А я сейчасъ пойду готовить нашу лодку.

НОЛЬКЕНЪ. И мы все поидемъ помочь сосѣду, чтобы перенести пожитки его на лодку Югана. Поидемъ!.. О! мой любезный сосѣдъ и другъ! Ты не знаешь, какъ мнѣ грустно съ тобою разстаться! Когда-то мы опять увидимся? Я думаю никогда! Прощай, мой любезный г. Ивановъ! Прощай!

ИВАНОВЪ. Прощай, Карлъ Карлычъ! Прощай навсегда! Прощайте все! добрые люди Богъ видитъ, какъ я васъ всехъ любилъ!.. Похоронять меня на чужой сторонѣ!.. Если доидеть до васъ вѣсть о моей смерти, помолитесь за меня Богу, чтобы онъ помиловалъ и простилъ меня!

ЭЛАСОНЪ. Путу молиться, путу! Одинъ Богъ у всехъ Христіанъ!

ИВАНОВЪ. Прощайте! прощайте!

НОЛЬКЕНЪ. Мы все тебя проводимъ!

ХРИСТИНА (*глядя въ боковое окно*). Ахъ! Кто-то по нашей рѣчкѣ въ катерѣ плыветъ! Это, кажется русскіе?

ВАСИЛІЙ (*вполголоса*). Боже мой! Знаешь-ли, Христина Карловна, кто это плыветъ? Это ... русскій царь, Петръ Алексѣевичъ.

(*Все въ сильномъ волненіи тихо подходятъ къ окну, кромѣ Иванова, который стоитъ неподвижно, пораженный ужасомъ, и потомъ опускается въ кресла*).

ХРИСТИНА (*громко*). А кто эти генералы, которые сидятъ въ катерѣ?

ЭЛАСОНЪ (*вполголоса*). Отна—шансесльбургская гувернаторъ, князь Меншикова, а другая—фельдмаршалъ графъ Шереметьева. Другае генералъ я не снай.

ХРИСТИНА (громко). А что дѣлаетъ этотъ офицеръ, который стоитъ на носу катера и опускаетъ что-то въ воду?

ВАСИЛІЙ (вполголоса). Онъ, какъ вижу, измѣряетъ лотомъ глубину нашей рѣчки.

ХРИСТИНА (громко). Ну вотъ, катеръ ужъ скрылся за деревьями! Ахъ, какъ жаль! Какой прекрасный, какой величественный — Русскій Царь! Я-бы вотъ такъ и упала на колѣна передъ нимъ и поцѣловала-бы ему руку. На лицѣ его написано, что онъ добръ и великодушенъ.

ЭЛАСОНЪ (громко). Правта! Я пывала въ Россія и это я снай.

НОЛЬКЕНЪ (въ сильномъ волненіи тащитъ дочь отъ окна за руку). Вѣтреница! Болтушка!

ХРИСТИНА. Да за что вы меня браните, батюшка?

НОЛЬКЕНЪ. Русскій царь, побѣдитель нашего короля, плыветъ въ катеръ за шестьдесятъ шаговъ отъ нея, или даже можно сказать, за тридцать, а она смѣло смотритъ на него, громко говоритъ и болтаетъ, какъ будто-бы это я въ лодкѣ плавлю!

ХРИСТИНА. Да что-же, батюшка! Я увѣрена, что онъ ни за что на свѣтѣ не обидѣлъ-бы насъ хоть чѣмъ-нибудь.

ЭЛАСОНЪ. Правта, Христина! Правта! Я сама пывала въ Россіи. Русская нароть очень хороша, топрая нароть! Это я снаю! Она свой царь насываетъ: отецъ. И это есть правта!

ГУСТАВЪ. Батюшка! Намъ пора позаботиться объ сосѣдѣ.

НОЛЬКЕНЪ. Да, да, мой сынъ! Хорошо, что ты мнѣ объ этомъ напомнилъ. Приготовляй скорѣе нашу лодку. А твоя лодка, Юганъ, будетъ готова у другаго берега Каменнаго острова. Такъ нашъ другъ со своимъ сыномъ можетъ убѣжать въ шведскую сторону.

ИВАНОВЪ (про себя). Убѣжать! О! если-бы я не былъ преступникомъ! Съ какою радостью я вспомнилъ-бы годы моей молодости, съ какимъ восторгомъ схватилъ-бы я свою саблю и въ битвѣ со врагами моего отечества пролилъ-бы кровь свою за русскаго Царя и за родину! Миновалось это время, безвозвратно миновалось!

НОЛЬКЕНЪ. Идемъ, идемъ, любезный г. Ивановъ! Ты самъ понимаешь, что тебѣ времени терять нельзя. Надѣну, на всякій случай, палашъ моего прадѣда. Густавъ! Подай мнѣ его и пособи надѣть. (Надѣваетъ на себя палашъ). Вотъ такъ! Теперь впередъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ПЕРВАЯ МОРСКАЯ БИТВА

РУССКИХЪ.

I.

Густой лѣсъ. Сумерки. Въ глубинѣ небольшой ручей.

ИВАНОВЪ, ВАСИЛІИ, НОЛЬКЕНЪ, ГУСТАВЪ и ХРИСТИНА.

НОЛЬКЕНЪ. Ну вотъ, любезнѣйшій сосѣдь, мы ужъ и на Каменномъ островѣ. Эліасонъ у того берега навѣрное ожидаетъ тебя въ своей лодкѣ, съ твоими вещами и пожитками. Фу! какая тутъ глушь! У тебя ружье заражено, Густавъ?

ГУСТАВЪ. Да, батюшка.

НОЛЬКЕНЪ. А у васъ, друзья мои, также ружья заряжены?

ИВАНОВЪ. Заряжены. Для чего ты объ этомъ спрашиваешь, любезный сосѣдь?

НОЛЬКЕНЪ. Для того, что въ этой глуши, которая называется Каменнымъ островомъ, очень не мудрено наткнуться на волка и, даже можно сказать, на медвѣдя.

ВАСИЛІИ. Правда! Мы съ Густавомъ въ прошломъ году убили здѣсь огромнаго медвѣдя. Насилу съ нимъ справились. Помнишь, Густавъ?

ГУСТАВЪ. Какъ не помнить.

НОЛЬКЕНЪ. Я болѣе желаю теперь встрѣтить здѣсь страшнаго медвѣдя, чѣмъ русскаго солдата. Ты понимаешь, любезны сосѣдь: почему? Однакожь хоть и невѣроятно, чтобы мы встрѣтили здѣсь русскихъ солдатъ, но все — таки не надо терять время. Тебѣ и твоему сыну необходимо будетъ перебраться черезъ этотъ ручей въ бродъ, а потомъ останется вамъ пройти не болѣе ста шаговъ до лодки Эліасона.

Охъ! какъ мнѣ и тяжело разстаться съ тобою! Но дѣлать нечего. Простимся, сосѣдь мой и старинный другъ!

ИВАНОВЪ. Прощай Карлъ Карлычъ! Прощай навсегда!

II.

ТЪ-ЖЕ, и преображенскій капразь, **СТЕПАНОВЪ** съ ружьемъ на плечахъ.

СТЕПАНОВЪ Кто идетъ? что вы за люди?

ИВАНОВЪ и **ВАСИЛІЙ** (*тихо*). Боже мой!

ХРИСТИНА (*тихо*). О! бѣда какая!

СТЕПАНОВЪ. Да чтожъ вы молчите? Я васъ спрашиваю: кто вы такіе, зачѣмъ и куда идете?

НОЛЬКЕНЪ. Мы, почтенный, русскій воинъ, не иное что, какъ мирные, шведскіе жители.

СТЕПАНОВЪ. Что ты, сларикъ, меня морочишь! У двухъ ружья и сабли, которыя очень сходны, какъ вижу, съ бывшими стрѣлецкими, у третьяго два пистолета за поясомъ, ружье и шведская сабля, у четвертаго какой-то палашь чуть не въ сажень длиною, — и это, по вашему, мирные шведскіе жители! Не на простака попали! Не обманете! Я васъ вотъ за этотъ ручей ни за что не пропущу. Да какъ еще всѣ говорятъ прекрасно по-русски! Повѣрю я, что вы шведы! Вы какіе нибудь русскіе бѣглецы, переметчики!

НОЛЬКЕНЪ. Клянусь всеѣмъ, что есть святаго на свѣтѣ, что я — природный шведъ, и что вотъ это — сынъ мой, а это — моя дочь.

ГУСТАВЪ. Честью клянусь, что это правда.

ВАСИЛІЙ. А мы, хотя и русскіе, но дѣдъ мой уступленъ былъ Швеція, вмѣстѣ со многими нашими земляками, по Столбовскому міру, въ 1617 году, такъ мы и стали шведскіе подданные. Это мой отецъ. Мы въ этой сторонѣ оба родились.

СТЕПАНОВЪ. Такъ-съ! Но все-таки я не пропущу васъ за ручей.

ВАСИЛІЙ. Да развѣ тебѣ неизвѣстно, почтенный, что русскій Царь велѣлъ отпустить къ Выборгу весь оставшійся въ Нюеншанцъ гарнизонъ? Если уже гарнизонъ пускаютъ, то для чего задерживать насъ, мирныхъ жителей? Мы не всѣ поидемъ за ручей, а только я да батюшка. Мы идемъ къ Выборгу. Наши сосѣди хотѣли насъ только проводить до это-

го ручья. Они тотчасъ назадъ вернутся. Пропусти насъ, почтенный, добрый человѣкъ!

СТЕПАНЪ. Не могу, землякъ, право-слово, не могу. Ты самъ, я чаю, знаешь, что въ военное время надо быть очень осторожнымъ и не вдругъ-то всякимъ словамъ да рассказамъ вѣрять. Эй! Штыковъ! поди сюда.

III.

ТЪ-ЖЕ, и ШТЫКОВЪ.

ШТЫКОВЪ. Что, командиръ, прибавишь?

СТЕПАНОВЪ. Сбѣгай въ палатку къ полковнику и доложи ему, что я здѣсь, у ручья, задержалъ очень подозрительныхъ людей.

ШТЫКОВЪ. Слушаю! (*Уходитъ*).

IV.

ТЪ-ЖЕ, кромѣ ШТЫКОВА.

ВАСИЛІЙ (*тихо отцу*). Мы погибли!

ГУСТАВЪ (*тихо Иванову*). А что, если убить этого солдата? Ты и твой сынъ успеете убѣжать и мы также успедемъ скрыться.

ИВАНОВЪ (*тихо*). Сохрани Боже! Чтобы за меня, измѣнника, пролилась кровь честнаго русскаго воина!... Сохрани Боже!

СТЕПАНОВЪ (*Нолькену*). Что ты, дѣдушка, такъ нахохлился, словно ибѣтухъ, котораго сильнымъ дождемъ обкатило? Ну, полно хмуриться! Вотъ нашъ полковникъ придетъ и все дѣло рѣшитъ. Если вы все и въ самомъ дѣлѣ мирные шведскіе подданные, и если у васъ ибѣтъ никакого лихаго умысла на умѣ, то онъ васъ отпуститъ на все четыре стороны.

ХРИСТИНА (*тихо про себя*). Бѣдный сосѣдъ! Бѣдный Василій!

НОЛЬКЕНЪ. Клянусь тебѣ, почтенный воинъ, что у меня ибѣтъ и не было никакого лихаго умысла на умѣ. Посмотри на мои сѣдые волосы! мнѣ-ли затѣвать какіе-нибудь лихіе умыслы!

СТЕПАНОВЪ. Да зачѣмъ ты палашъ-то къ боку прицѣпилъ? Откуда

ты достала такое чудо? Ужь это не мечъ-ли кладенець нашего рускаго, стариннаго богатыря Пльи Муромца?

НОЛЬКЕНЪ. Нѣтъ! это палашъ моего прадѣда, который служилъ въ непобѣдимыхъ войскахъ нашего короля Густава Адольфа.

СТЕПАНОВЪ. Такъ-съ. Этакая машина! Я думаю, что тебѣ тяжело ее таскать, дѣдушка?

НОЛЬКЕНЪ. Нѣтъ!... ничего!

ВАСИЛІЙ (*тихо отцу*). Батюшка! Русскій полковникъ сюда идетъ. Спасенія нѣтъ!... Подожди однакожь, вотъ что пришло мнѣ въ голову. Я перебѣгу въ бродъ черезъ ручей. Солдаты, конечно, въ меня выстрѣлятъ, и авось, промахнется. Недавая ему времени зарядить опять ружье, ты перебѣгни ручей за мною. Лодка Эліасона не далеко. Добѣжимъ до нея,—и мы спасены! Я иду, батюшка! (*Идетъ къ ручью*).

ИВАНОВЪ (*тихо*). Стой, мой сынъ, стой!

СТЕПАНОВЪ (*прицѣливаясь изъ ружья, къ Василью*). Стой, молодець, говорятъ тебѣ, стой! Не то я выстрѣлю.

ХРИСТИНА. О Боже! Онъ убьетъ его!

ГУСТАВЪ (*выхватываетъ изъ-за пояса пистолетъ и цѣпится въ Степанова*). Нѣтъ! не убьетъ!

НОЛЬКЕНЪ. Я едва стою на ногахъ отъ ужаса.

ИВАНОВЪ (*громко*). Воротись, сынъ, я тебѣ приказываю!

ГУСТАВЪ. Спасайся, Пля Сергѣичъ! (*Стрѣляетъ*).

СТЕПАНОВЪ (*видя, что Василій возвращается, спокойно опускаетъ ружье, не обращая вниманія на выстрѣлъ, въ него сдѣланный*). Ну; вотъ, такъ то лучше! Еслибъ ты, молодець, не вернулся; то лежалъ-бы уже теперь въ этомъ ручьѣ, прострѣленный насквозь.

V.

ТѢЖЕ « ПОЛКОВНИКЪ КАРПОВЪ.

КАРПОВЪ. Что это значитъ? Что тутъ такое?

СТЕПАНОВЪ. Этотъ молодець (*указываетъ на Василья*) хотѣлъ дать стрѣлка черезъ ручей; я въ него прицѣлился. А этотъ молодець, (*указываетъ на Густава*), видя то, выстрѣлилъ въ меня изъ пистолета.

КАРПОВЪ: Раниль?

СТЕПАНОВЪ. Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе. Проманулся. Однакожь пуля свистнула такъ близко лѣваго уха, что его совсѣмъ заложило. Позвольте, ваше высокоблагородіе, перейти на другую сторону, чтобы явственнѣе слушать ваши приказанія правымъ ухомъ.

КАРПОВЪ. Кто вы такіе? Говорите правду, не то худо будетъ!

НОЛЬКЕНЪ (*дрожа*). Я и мы всѣ, господинъ полковникъ, мирные, шведскіе жители. Это мой сынъ, это моя дочь. Не погубите насъ!

КАРПОВЪ. Какіе-же вы мирные жители! Всѣ вооружены, стрѣляете въ русскаго, заслуженнаго капрала. О! нѣтъ! надо показать примѣръ! Слушай, Степановъ! Возьми его, этого мирнаго шведа, который въ тебя выстрѣлилъ, выбери двѣнадцать стрѣлковъ и въ этомъ лѣсу сейчасъ-же разстрѣлять его!

ХРИСТИНА (*падая на колѣна*). Полковникъ! Полковникъ! Сжалитесь! Пощадите моего брата!

НОЛЬКЕНЪ (*падая на колѣна съ другой стороны и обнимая ноги Карпова*). Полковникъ! Пощадите моего единственнаго сына! Сжалитесь надъ моими сѣдыми волосами!

(Христина падаетъ безъ чувствъ).

КАРПОВЪ. Нельзя. Надобно непременно показать примѣръ. Веди его, Степановъ!

СТЕПАНОВЪ. Ваше высокоблагородіе! Осмѣлюсь обезпокоить моего отца-командира всенижайшею моею просьбою. Въ награду за мою долговременную, усердную службу, которою вы всегда были довольны, умоляю васъ: простите этого молодаго шведа! По лицу его вижу, что онъ не злой человекъ. Онъ въ меня выстрѣлилъ — это правда. Да что-же за бѣда! Онъ хотѣлъ, какъ смѣкаю, защитить своего камрада и пріятеля, въ котораго я прицѣлился. Экъ онъ меня вздумалъ чѣмъ удивить! развѣ не знакомъ я съ пулями-то! Слыхивалъ много разъ, какъ около меня лопались бомбы и гранаты, жужжали ядра и были картечи; это не то, что пули! А что эти свистуни! Плевое дѣло! Я имъ и счетъ потерялъ и въ грошъ не ставлю. Взмиуйтесь, простите молодца. Ну, молодая кровь закипѣла, вошелъ въ азартъ, погорячился! Былъ молодцу не укоръ. Богъ съ нимъ!

КАРПОВЪ. Степановъ! Твои чувства дѣлаютъ тебѣ честь, дѣлаютъ честь всему русскому войску!... Хорошо! я исполню твою просьбу! я прощаю этого шведа, но съ тѣмъ, чтобы онъ объяснилъ мнѣ всю правду, безъ малѣйшей утайки: для чего и куда всѣ они пробирались. Тутъ что-то непонятное!

ГУСТАВЪ. Полковникъ! я не могу исполнить вашего требованія. Лучше разстрѣляйте меня!

КАРПОВЪ. Что-о?

ГУСТАВЪ. Лучше разстрѣляйте меня!

КАРПОВЪ (*про себя*). Что за странность! Да я уже какъ-нибудь добьюсь истины. (*Оглянувшись, видитъ лежащую Христину*). Ба! эта дѣвушка въ обморокъ! Степановъ! принеси скорѣе воды изъ ручья.

СТЕПАНОВЪ. Слушаю, отецъ-командиръ!

НОЛЬКЕНЪ. Боже мой! Она, кажется, умерла! Она умерла, единственная дочь моя! О! я несчастный! Самъ жить не хочу! Убейте, сдѣлайте милость, убейте меня.

СТЕПАНЪ (*неся манерку съ водою*). И! полно, дѣдушка. Не терзайся напрасно! Она не умерла, а только въ обморокъ. На-ко холодной водицы. Вспрысни ей раза три лицо, такъ она и очнется.

ХРИСТИНА (*Прійдя въ чувство, медленно поднимается при помощи Нолькена*). А гдѣ братъ, батюшка? Гдѣ братъ?

ГУСТАВЪ. Я здѣсь, сестра!

ХРИСТИНА (*бросаясь ему на шею*). Братъ! братъ! ты живъ!... Боже! благодарю Тебя! Полковникъ! у меня недостаетъ словъ, какъ благодарить васъ.

КАРПОВЪ. Да, я простилъ твоего брата по просьбѣ вотъ этого заслуженнаго капрала, въ котораго онъ осмѣлился выстрѣлить.

ХРИСТИНА (*Степанову*). Да вознаградитъ тебя Богъ, великодушный, русскій воинъ!

СТЕПАНОВЪ. И! матушка, шведская красавица! Благодарю не меня, а моего отца-командира, нашего добраго и храбраго полковника, который уважилъ просьбу стараго служиваго.

КАРПОВЪ. Послушай, Степановъ! отбери отъ нихъ оружіе. (*Прочимъ*). Я по обязанности моей долженъ взять васъ всѣхъ подъ стражу, чтобы узнать истину.

СТЕПАНОВЪ (*Густаву*). Ну, давай мнѣ, любезный, свое оружіе. Ты слышалъ приказъ моего командира? (*Густавъ отдаетъ оружіе*). Изъ котораго ты пистолета въ меня выстрѣлилъ? (*Дуетъ въ дуло*). Нѣтъ, этотъ заряженъ. Такъ, стало быть, изъ этого. Пистолець весьма изрядный! Кабы ты въ меня, пріятель, попалъ, то ужъ я-бы не разговаривалъ теперъ съ тобою на этомъ свѣтѣ.

ГУСТАВЪ. Прости меня! Я тебѣ обязанъ жизнью! я этого никогда не забуду, и молю Бога, подать мнѣ случай, чтобы я, хотя съ опасностью своей жизни, могъ доказать тебѣ мою благодарность.

СТЕПАНОВЪ (*Карпову*). Вотъ, извольте видѣть, ваше высокобла-

городіе! Я вѣдь не ошибся. По лицу узналъ, что онъ хоршій чело-
вѣкъ. (*Всѣ прочіе отдають оружіе Степану, кромѣ Нолькена*).

НОЛЬКЕНЪ. Ни за что на свѣтѣ не отдамъ этого палаша!

СТЕПАНОВЪ. Что съ тобой, дѣдушка! Ты слышалъ приказъ моего
командира? Если волею не отдашь мнѣ своего палаша, то я принуж-
денъ буду отнять его у тебя силою. Съ тобой барахтаться—то мнѣ,
какъ вижу, придется не долго.

НОЛЬКЕНЪ. Ни за что не отдамъ! лучше умру!

СТЕПАНОВЪ. Изволите слышать, ваше высокоблагородіе?

КАРПОВЪ. Берн палашъ!

НОЛЬКЕНЪ (*падая на колѣна*). Полковникъ! Не отнимайте у меня
этого палаша. Я умру съ тоски по немъ!

КАРПОВЪ. Странное дѣло! Да для чего тебѣ, старикъ, этотъ па-
лашъ? У, какая машина! Я думаю, что тебѣ его не сдержать въ рукѣ,
еслибы ты вздумалъ вытащить его изъ ноженъ. Встань, старикъ! (*Под-
нимаетъ его на ноги за руку*).

НОЛЬКЕНЪ. Полковникъ! Этотъ палашъ достался мнѣ по наслѣдству
отъ моего прадѣда, который служилъ въ ненобъдимыхъ войскахъ на-
шего шведскаго короля Густава Адольфа. По этому вы можете себѣ
легко представить, какъ мнѣ драгоцененъ этотъ палашъ. Онъ съ неза-
памятныхъ временъ висѣлъ на стѣнѣ у моего дѣда, у моего отца и на-
конецъ у меня, и я только сегодня прицѣпилъ его къ своему боку
по случаю войны съ русскими. Да и посмотрите, полковникъ! (*Выта-
скиваетъ палашъ изъ ноженъ до половины*). Онъ весь заржа-
вѣлъ, тупъ, и, даже можно сказать, совершенно не остеръ.

КАРПОВЪ. Хорошо, старикъ! Я соглашаюсь на твою просьбу. Пусть
этотъ палашъ останется при тебѣ.

НОЛЬКЕНЪ (*цѣлуя въ плечо Карпова*). Благодарю, полковникъ,
благодарю!

КАРПОВЪ. Однакожъ, какъ я уже сказалъ, я долженъ взять всѣхъ
васъ подъ стражу и представить при рапортѣ князю Александру Дани-
лычу Меншикову. Приведи, Степановъ, сюда нѣсколько солдатъ.

СТЕПАНОВЪ. Эй, Штыковъ, Усачевъ, Зарубинъ! идите сюда!

(*Изъ лѣса выходятъ три преобразенскіе солдата съ
ружьями*).

VI.

ТѢ ЖЕ « СОЛДАТЫ.

ИВАНОВЪ (*про себя*). За что я погублю, за что я буду еще мучить, терзать моего сына и всѣхъ друзей моихъ! Нѣтъ! я рѣшился! (*Карпову*). Полковникъ! возьмите меня одного подъ стражу. Всѣ они ни въ чемъ не виноваты. Одинъ я — преступникъ!

ВАСИЛІЙ. Батюшка! батюшка! что ты дѣлаешь! что ты сдѣлалъ съ собою и со мною!

ИВАНОВЪ. Милый сынъ! Я исполнилъ долгъ свой, долгъ моей совѣсти! За любовь твою ко мнѣ, да будетъ на тебѣ всегда благословеніе Божіе. Ты не присягалъ шведскому королю, ты не измѣнникъ отечеству. Я бѣжалъ въ эту сторону отъ казни, къ которой я по всей справедливости былъ приговоренъ, и взялъ тебя съ собою. Ты былъ еще тогда младенцемъ. У тебя совѣсть чиста, ты не виноватъ ни въ чемъ. Ты можешь, ты имѣешь право вернуться на родину и служить ей вѣрой и правдой. Не горюй объ отцѣ твоемъ, позабудь меня. Пусть будетъ со мною, что Богу и царю угодно.

ВАСИЛІЙ (*рыдая*). Батюшка! батюшка! Что ты сдѣлалъ съ собою и со мною!

КАРПОВЪ. Въ чемъ твое преступленіе?

ИВАНОВЪ. На вопросъ все скажу! Прикажите меня скорѣе увести отсюда, полковникъ! Прощай, мой сынъ! Прощайте всѣ! Клянусь вамъ, полковникъ: всѣ они ни въ чемъ не виноваты. Я, я — одинъ преступникъ!

КАРПСВЪ. Степановъ! отведи его въ нашъ лагерь и вели содержать подъ карауломъ, впредь до моего приказанія.

(*Ивановъ, окруженный солдатами, уходитъ, подъ предводительствомъ Степанова*).

VII.

ТѢ ЖЕ, КРОМѢ ИВАНОВА, СТЕПАНОВА « СОЛДАТЪ.

КАРПОВЪ (*Густаву*). Послушай, шведъ! какъ тебя зовутъ?

ГУСТАВЪ. Густавъ Нолькенъ.

КАРПОВЪ. Ты, конечно, въ этихъ мѣстахъ родился и знаешь всѣ ручьи, всѣ тропинки въ этихъ лѣсахъ, глубину, мели, подводные камни всѣхъ рукавовъ Невы, которые впадаютъ въ Финскій заливъ.

ГУСТАВЪ. Знаю.

КАРПОВЪ. Такъ слушай! Покажи мнѣ всѣ здѣшнія мѣста и всѣ рукава Невы, чтобъ я ихъ зналъ такъ-же хорошо, какъ ты.

ГУСТАВЪ. Нѣтъ! этого я не сдѣлаю!

КАРПОВЪ. Это что значить?

ГУСТАВЪ. Я понимаю вашу цѣль. Познакомить васъ съ нашими мѣстами — значить дѣйствовать во вредъ моему королю и отечеству, и тѣмъ нарушить клятву вѣрноподаннаго, которую каждый честный шведъ, каждый благородный человѣкъ обязанъ хранить свято.

КАРПОВЪ (*про себя*). Молодецъ! (*Густаву*). Однако вспомни, что ты мой плѣнникъ, и что я воленъ сдѣлать съ тобою, что хочу. И такъ, безъ разсужденій, исполни мое приказаніе.

ГУСТАВЪ. Позвольте спросить васъ: еслибъ вы были взяты въ плѣнъ шведами, и еслибъ они потребовали отъ васъ свѣденій, вредныхъ вашему отечеству, что-бы вы сдѣлали?

КАРПОВЪ. Я?... я?... Ну, это не твое дѣло!..

ГУСТАВЪ. Вы, конечно, скорѣе умерли-бы, полковникъ! И я на это готовъ!

КАРПОВЪ. Хотя досадный, но благородный отвѣтъ! (*Василью*). Ну, а ты, молодой человѣкъ? Ты, если не ошибаюсь, не присягалъ шведскому королю? Ты, я думаю, всѣ эти мѣста знаешь такъ-же, какъ этотъ шведъ.

ВАСИЛІЙ. Также хорошо знаю, полковникъ.

КАРПОВЪ. Прекрасно! Стало быть, ты мнѣ все покажешь и объяснишь, что знать мнѣ нужно?

ВАСИЛІЙ. Съ радостью.

КАРПОВЪ. Остаься со мною, а вы, всѣ прочіе, идите съ Богомъ домой и не поминайте лихомъ русскихъ.

НОЛЬКИНЪ, ГУСТАВЪ И ХРИСТИНА. Благодаримъ, полковникъ, благодаримъ!

НОЛЬКЕНЪ. А я благодарю васъ въ особенности за то, что вы не отобрали отъ меня этого палаша, этого драгоцѣннаго палаша, съ которымъ...

КАРПОВЪ. Съ которымъ твой прадѣдъ сражался въ непобѣдимыхъ войскахъ короля Густава Адольфа? Очень радъ, почтенный старикъ, что я тебѣ угодилъ.

НОЛЬКЕНЪ. Еще одна просьба, нашъ великодушный непріятель! Не погубите, если возможно, моего единственного друга и сосѣда, котораго вы взяли подъ стражу. Я съ нимъ жилъ душа въ душу двадцать лѣтъ и могу удостовѣрить васъ, что онъ человѣкъ предобрый и, даже можно сказать, весьма благородный.

КАРПОВЪ. Увидимъ!.. Иди, старикъ, скорѣе домой. Не то мнѣ можетъ прійти неравно мысль отобрать у тебѣ твой палашъ.

НОЛЬКЕНЪ. Сейчасъ—же иду, полковникъ! За мной, Христина, за мной, Густавъ!

ВАСИЛІЙ (*тихо и съ чувствомъ*). Прощай, Христина Карловна! Врядъ-ли я когда съ тобою опять увижусь.

ХРИСТИНА (*тихо, съ сильнымъ волненіемъ*). Прощай, Василій, прощай!.. О Боже мой!..

(*Нолькенъ, Густавъ и Христина уходятъ*).

VIII.

КАРПОВЪ и ВАСИЛІЙ.

КАРПОВЪ. Какъ твое имя и прозваніе?

ВАСИЛІЙ. Василій Ивановъ.

КАРПОВЪ. Ну, скажи мнѣ, безъ обмана и утайки: въ этомъ рукавѣ Невы, который обтекаетъ здѣшній островъ, нѣтъ мелей и камней? Могутъ-ли по этому рукаву выплыть безопасно на Финскій заливъ нѣсколько большихъ и тяжелыхъ лодокъ?

ВАСИЛІЙ. Могутъ, полковникъ. Я догадываюсь, для чего вы меня объ этомъ спрашиваете.

КАРПОВЪ. Почему ты догадываешься?

ВАСИЛІЙ. Шведская эскадра, которая послана изъ Стокгольма, для помощи крѣпости Ніеншанцу, за противнымъ вѣтромъ стала на якорѣ въ нашемъ заливѣ, далеко отъ устья Невы. Только два корабля, болѣе другихъ легкіе на ходу, прилавирировали почти къ самому устью и также бросили якорь. Они послали ботъ на берегъ, съ нѣсколькими шведскими солдатами и матросами, чтобы потребовать изъ Калинкиной деревни лоцмановъ для ввода этихъ передовыхъ кораблей и всей эскадры въ Неву. Но едва посланные пристали къ берегу, какъ выскочили изъ кустарниковъ русскіе солдаты и безъ выстрѣла овладѣли ботомъ.

КАРПОВЪ. Откого ты узналъ объ этомъ?

ВАСИЛІЙ. Мнѣ это рассказывалъ пріятель нашего семейства, финскій рыбакъ Эліасонъ, который самъ былъ свидѣтелемъ всего происшествія. Безъ сомнѣнія, передовые шведскіе корабли будутъ стоять на якорѣ въ напрасномъ ожиданіи съ берега лоцмановъ, а вы, между-тѣмъ, какъ догадываюсь, нападете на нихъ, пользуясь отдаленіемъ этихъ двухъ кораблей отъ эскадры, которая за противнымъ вѣтромъ не можетъ подать имъ скорой помощи.

КАРПОВЪ. Послушай! Правда-ли, что ты русскій и что не присягалъ шведскому королю?

ВАСИЛІЙ. Совершенная правда! Меня въ этой глуши какъ-то забыли, и я съ дѣтства жилъ болѣе двадцати лѣтъ въ шведскихъ владѣніяхъ.

КАРПОВЪ. Такъ присягни теперь-же на вѣрность нашему царю! Ты понимаешь важность клятвы, произносимой передъ Богомъ?

ВАСИЛІЙ. Клянусь служить русскому царю вѣрой и правдой, до послѣдней капли крови!

КАРПОВЪ. Вѣрю искренности чувствъ твоихъ! Ну, теперь я буду съ тобою откровененъ. Вѣдь ты — предогадливый малый!

ВАСИЛІЙ. А что, полковникъ?

КАРПОВЪ. Вѣдь мы дѣйствительно хотимъ напасть на передовые, шведскіе корабли. Это будетъ первая морская битва русскихъ. У насъ заготовлено тридцать большихъ лодокъ. За неимѣніемъ матросовъ, сядутъ въ нихъ преображенцы и семеновцы. Самъ царь, съ половиною лодокъ нападетъ на шведскіе корабли, отъ Калинкиной деревни, слѣва, а князь Меншиковъ, съ другой половиною лодокъ, нападетъ на нихъ справа, отсюда, въ одно и тоже время.

ВАСИЛІЙ. Нѣтъ, полковникъ! Это едва-ли возможно.

КАРПОВЪ. Почему? скажи смѣло и откровенно.

ВАСИЛІЙ. А вотъ почему. Шведскіе, передовые корабли стоятъ гораздо ближе къ Калинкиной деревнѣ, чѣмъ отсюда, и потому, нападеніе съ двухъ сторонъ, вдругъ, едва-ли удастся. Есть другой рукавъ Невы, который впадаетъ также въ заливъ. Вотъ, оттуда можно вѣхаться на взморье въ одно время съ лодками отъ Калинкиной деревни и напасть спереди и съ тыла на шведскіе корабли.

КАРПОВЪ. Покажи мнѣ этотъ рукавъ Невы! Я его осмотрю и донесу князю Александру Даниловичу о томъ, что найду.

ВАСИЛІЙ. Съ удовольствіемъ! Хоть сейчас!

IX.

ТЪ-ЖЕ и СТЕПАНОВЪ.

СТЕПАНОВЪ (*Карпову*). Ваше высокоблагородіе! Князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ пріѣхалъ въ нашъ лагерь.

КАРПОВЪ. Сейчасъ!

ВАСИЛІЙ (*бросаясь на колѣна*). Полковникъ! Исполните мою просьбу!

КАРПОВЪ. Какую?

ВАСИЛІЙ. Позвольте мнѣ подъ вашимъ начальствомъ сразиться со шведами волонтеромъ.

КАРПОВЪ. Хорошо! Я доложу о твоёмъ желаніи князю. Не знаю, впрочемъ, возможно-ли это.

ВАСИЛІЙ. Умоляю васъ, полковникъ! Я надѣюсь быть вамъ полезнымъ. Я знаю заливъ, какъ свои пять пальцевъ.

КАРПОВЪ. Не забуду твоей просьбы! Некогда, некогда! Мнѣ надо сейчасъ идти къ князю. Степановъ! Побудь съ нимъ до моего возвращенія. (*Уходитъ*).

X.

ВАСИЛІЙ и СТЕПАНОВЪ.

СТЕПАНОВЪ. Ты, любезный, какъ вижу, хочешь поступить въ русское войско? Дѣльно! Поздравляю тебя! Такого храбраго войска не найдешь нигдѣ на свѣтѣ, ни въ какихъ иностранныхъ земляхъ!

ВАСИЛІЙ. Вѣрю тебѣ, почтенный капралъ!

СТЕПАНОВЪ. Ты съ нами, какъ смѣкаю, хочешь идти въ морскую баталію со шведомъ. На морскихъ-то баталіяхъ, откровенно сказать и мы, старые служивые, не бывали. Смотри! не струсъ! Вѣдь шведъ то сердитъ, храбръ и неуступчивъ. Онъ намъ, подъ Нарвой, такъ затылокъ нагрѣлъ, что, просто, мое почтеніе! Ну, да ничего! Онъ насъ только этимъ задра. Подожди маленько! Сведемъ счеты съ пріателемъ! Русскаго только задери, такъ и пошла писать! Послѣ не уймешь! Смотри-же, въ предстоящей баталіи не отстань отъ другихъ и не осрамись.

ВАСИЛІЙ. Увидишь, что я буду драться, какъ русскій.

СТЕПАНОВЪ. Дѣло! Ты, я вижу, пугный царень! Ты не сердишься на меня, что я сегодня въ тебя прицѣлился, когда ты хотѣлъ дать стрелка?

ВАСИЛІЙ. Помилуй! Ты имѣлъ полное право въ меня прицѣлиться и выстрѣдить, хотя ты и не зналъ: *для какой цѣли хотѣлъ я перебѣжать ручей.*

СТЕПАНОВЪ. А гдѣ твой пріятель, молодой шведъ, который промахнулся въ меня изъ пистолета?

ВАСИЛІЙ. Полковникъ, разобравши дѣло, отпустилъ его домой, съ отцомъ и сестрою.

СТЕПАНОВЪ. Честь и слава нашему доброму полковнику!

XI.

ТѢЖЕ и солдатъ ШТЫКОВЪ.

ШТЫКОВЪ. Полковникъ требуетъ тебя къ себѣ, господинъ капралъ, а тебѣ (*обращаясь къ Василью*) приказалъ дожидать его на этомъ мѣстѣ.

СТЕПАНОВЪ. Слушаю! (*Василью*). Смотри-же, не уходи отсюда.

ВАСИЛІЙ. Какъ можно! Никуда не уйду.

СТЕПАНОВЪ. Ладно! Идемъ скорѣе. Штыковъ! (*Уходятъ*).

XII.

ВАСИЛІЙ.

Какая страшная борьба, какая буря въ моемъ сердцѣ! Христина, милая Христина! Я давно оцѣнилъ и полюбилъ тебя! Я надѣялся, что ты будешь подругою моей жизни. Но судьба рѣшила иначе. Я долженъ навсегда разстаться съ тобою... Достанетъ-ли у меня на это силы?... Достанетъ!.. Я долженъ, я хочу принести въ жертву жизнь мою для спасенія несчастнаго отца моего! Прощай, прощай на вѣкъ, моя Христина!.. Но для чего я такъ терзаюсь?... Почему знать, что она любила меня?

XIII.

ВАСИЛІЙ и ХРИСТИНА.

ХРИСТИНА (робко выходя изъ лѣса, потупя глаза и утирая слезы). Она любила тебя!

ВАСИЛІЙ. Боже мой! это ты! Это ты, моя ненаглядная, моя радость, мое счастье!

ХРИСТИНА. Я пришла проститься съ тобою, Василій, проститься навсегда! Мы ужъ не встрѣтимся въ этой жизни! Я подслушала разговоръ твой съ русскимъ поляковникомъ. Ты вступаешь въ русское войско и будешь сражаться противъ моихъ соотечественниковъ. Прощай, Василій! Забудь Христину!

ВАСИЛІЙ. Чтобы я тебя забылъ!.. Нѣтъ! это невозможно!.. Боже мой! Что за мученіе!.. Что за адъ въ моемъ сердцѣ!..

ХРИСТИНА. Успокойся, мой милый, мой добрый Василій!.. Я понимаю твою цѣль: ты хочешь спасти отца! Это твоя священная обязанность! Если-бы ты раздумалъ ее исполнить, то Христина сама не стала-бы уважать тебя!.. Какъ жаль, однакожъ, что ты русскій, какъ жаль, что я шведка! Безъ этого мы могли-бы быть счастливы! Но что дѣлать!.. Прощай, Василій! Позабудь твою Христину, и я тебя постараюсь позабыть!.. (*Уходитъ*).

XIV.

ВАСИЛІЙ смотря влѣдъ ушедшей Христинѣ.

Вотъ! она уже скрылась за кустарниками! Я ее болѣе никогда не увижу! Она говорила мнѣ, чтобы я ее забылъ!.. Нѣтъ, Христина! Это свыше силъ моихъ! Умирая, я буду думать о тебѣ, любить тебя, лагословлять тебя!..

XV.

ВАСИЛІЙ, КАРПОВЪ и СТЕПАНОВЪ.

КАРПОВЪ (*Василью*). Ну, любезный, поздравляю! Князь согласился, чтобы ты участвовалъ волонтеромъ въ первой битвѣ нашей на морѣ.

ВАСИЛІЙ. Словъ недостаетъ, какъ князя и васъ благодарить, полковникъ! (*Слышны вдали два пушечные выстрѣла*).

КАРПОВЪ. Это что?

ВАСИЛІЙ. Это, безъ всякаго сомнѣнія, сигналъ со шведскихъ передовыхъ кораблей, данный крѣпости Ніеншанцу. Крѣпость должна, по установленному правилу, отвѣчать также двумя выстрѣлами.

КАРПОВЪ. Постой!.. Я на эти два шведскіе, учтивые выстрѣла отвѣчу изъ русскихъ пушекъ, вмѣсто Ніеншанца, который уже въ нашей власти. Степановъ! Бѣги на первую батарею и отвѣчай, двумя выстрѣлами шведамъ. Они подумаютъ, что Ніеншанць еще не взятъ русскими.

СТЕПАНОВЪ. Слушаю, отецъ-командиръ! (*Убѣгаетъ*)

КАРПОВЪ. А ты, Василій, иди со мною въ лагерь. Князь приказалъ представить тебя ему. Послушай, однакожь, еще разъ спрошу. точно-ли ты хорошо знаешь всѣ рукава Невы и Финскій заливъ, глубину ихъ, всѣ мели, всѣ подводные камни?

ВАСИЛІЙ. Клянусь вамъ, полковникъ, что знаю это все, какъ свои пять пальцевъ. Вѣдь я съ дѣтства жилъ въ этихъ мѣстахъ.

(*Слышны въ лѣсу два пушечные выстрѣла*)

КАРПОВЪ. А!.. Это Степановъ, вмѣсто Ніеншанца, учтиво отвѣчаетъ шведскимъ кораблямъ! Ладно!.. Идемъ теперь къ князю Александру Даниловичу. (*Уходятъ*).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ОСНОВАНИЕ ПЕТЕРБУРГА.

Театръ представляетъ ту же комнату Нолькина, что во-второмъ дѣйствіи.

I.

НОЛЬКЕНЪ и ХРИСТИНА.

НОЛЬКЕНЪ (*сидя въ креслахъ, передъ каминомъ*). Ахъ, дочь моя! Ты не можешь вообразить себѣ, какъ мнѣ грустно! Я умру съ тоски и, даже можно сказать, пропаду.

ХРИСТИНА (*сидя въ другихъ креслахъ подлѣ отца, вяжетъ чулокъ*). Полно, батюшка! Не грусти! Постарайся развеселиться!

НОЛЬКЕНЪ. Развеселиться... развеселиться... Охъ вы, молодой народъ! Въ мои лѣта трудно развеселиться, когда лишился на всегда — стараго друга и сосѣда, котораго я такъ любилъ. Вотъ, вы, молодой народъ, такъ дѣло другое! Потерять друга или ошибиться въ немъ — ничего! Двухъ новыхъ друзей нашелъ завтра-же! И этихъ лишился, или они измѣнили — опять ничего! Послѣ завтра уже найдены четыре и, даже можно сказать, пять. Неоспоримо, что всѣ такіе скороспѣлые друзья весьма непрочны и, даже можно сказать, ненадежны. Да вѣдь вамъ, молодому народу, это ни-почемъ! Для васъ всѣ — друзья и пріятели, пока они васъ не надули и вамъ не надѣлали гадостей. А намъ, старикамъ, дѣло другое! Лишился стараго, вѣрнаго, испытаннаго друга, такъ ужъ новаго-то и не сыщешь, да и искать-то негдѣ и некогда нашему брату, старику! Охъ! какъ мнѣ грустно! Вотъ ужъ прошли четыре недѣли, именно, четыре недѣли, какъ моего добраго, почтеннаго сосѣда и друга взяли подъ стражу, и я до-сихъ-поръ ничего не знаю объ его участи. Вѣроятно, его разстрѣляли! Да и сынъ-то его, съ той поры, безъ вѣсти пропалъ! Я полагаю, что они оба погибли! Охъ, какое у меня горе и печаль на сердцѣ, дочь моя! Не знаю, куда отъ тоски дѣваться!

ХРИСТИНА (*про себя*). И я не знаю, куда отъ тоски дѣваться!

II.

ТЪ-ЖЕ и ГУСТАВЪ.

ГУСТАВЪ. Батюшка! Новости, да какія новости!

НОЛЬКЕНЪ. Ну, что мнѣ новости! Богъ съ ними! Ты мнѣ лучше скажи: не слыхаль-ли чего о нашемъ сосѣдѣ и объ его сынѣ.

ГУСТАВЪ. Ничего объ нихъ не слыхаль.

НОЛЬКЕНЪ. Ну, такъ что-же мнѣ всѣ твои новости! Береги ихъ про себя.

ГУСТАВЪ. Ты знаешь, батюшка, Веселый островъ на рѣкѣ Невѣ?

НОЛЬКЕНЪ. Какой тамъ Веселый островъ, какая Нева! Что ты за чепуху говоришь мнѣ! Ты вѣрно хочешь сказать о нашей рѣкѣ Ниенѣ и объ островѣ Льюстэйланде, который мнѣ очень хорошо извѣстенъ.

ГУСТАВЪ. Вотъ, именно на этомъ островѣ русскій Царь шестнадцатаго числа нынѣшняго мая заложилъ крѣпость и назвалъ ее: Санктпетербургъ. Сегодня тридцатое мая, а крѣпость, въ двѣ недѣли уже почти кончена! Всѣ земляные валы и палисады уже готовы. Теперь идетъ постройка внутри крѣпости. Право, она выросла, какъ грибокъ!

НОЛЬКЕНЪ (*въ задумчивости*). Грибокъ! грибокъ! Вотъ онъ чѣмъ меня утѣшить хочетъ въ моемъ горѣ. Развѣ не видывалъ я грибовъ-то на своемъ вѣку!

ГУСТАВЪ. Да не о грибахъ рѣчь, батюшка! Я вамъ рассказываю о крѣпости, которую русскій Царь построилъ на нашемъ островѣ Льюстэйланде, и которую онъ назвалъ Санктпетербургомъ. Около острова весь лѣсъ вырубленъ и сдѣлана большая площадь, а близъ крѣпости на берегу рѣки онъ построилъ себѣ маленькій, премаленькій, деревянный дворецъ. На этой площади будетъ сегодня торжество.

НОЛЬКЕНЪ. Какое торжество? Да развѣ сегодня праздникъ какой? Христина, дай календарь. Я посмотрю. (*Христина подаетъ календарь*). Сегодня, дѣйствительно, тридцатое мая, но никакого праздника нѣтъ!... Густавъ! Ты всѣ эти новости выдумалъ, какъ вижу, единственно для того, чтобы развлечь меня, старика, и уменьшить мою тоску о незабвенномъ, вѣрномъ другѣ и сосѣдѣ.

III.

ТЪ-ЖЕ в КАПРАЛЪ СТЕПАНОВЪ.

СТЕПАНОВЪ. Мое почтеніе всеѣмъ и каждому! Кто хозяинъ этого дома и гдѣ онъ? Миѣ нужно съ нимъ поговорить.

НОЛЬКЕНЪ (*вставая съ кресла*). Хозяинъ — я.

СТЕПАНОВЪ. Ба, ба, ба! Если не ошибаюсь, мы съ тобой уже знакомы. Ну, такъ и есть! Вотъ и огромный палашъ твой висятъ на стѣнѣ. Здравствуй, дѣдушка! Узналъ-ли ты меня?

НОЛЬКЕНЪ. Хотя глаза у меня и слабы, но какъ не узнать великодушнаго человѣка, который спасъ жизнь моему единственному сыну, моему Густаву.

СТЕПАНОВЪ. И! полно, дѣдушка! Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ, говоритъ наша русская пословица. (*Густаву*). Здравствуй, пріятель! Каково поживаешь?

ГУСТАВЪ. Живу, благодаря тебѣ!

ХРИСТИНА. Мы этого никогда, никогда не забудемъ!

НОЛЬКЕНЪ. Будь увѣренъ, что и Богъ твоего великодушнаго поступка никогда не забудетъ.

СТЕПАНОВЪ. Полно вамъ! Вѣдь ужъ вы благодарили меня въ свое время, ну, и баста! Лучше поговоримъ о дѣлѣ, для котораго я къ вамъ пришелъ.

НОЛЬКЕНЪ. Да сядь, почтенный гость! Христина — кресла!

СТЕПАНОВЪ. Благодарю, дѣдушка! Я — страстный охотникъ ходить или стоять. Вѣдь я служу въ пѣхотѣ, такъ наше дѣло больше ходячее, чѣмъ сидячее.

НОЛЬКЕНЪ. Ну, какъ изволишь! Христина! Смастери какую-нибудь закуску и подай намъ бутылку лучшаго, шведскаго пива.

ХРИСТИНА. Сейчасъ, батюшка!

СТЕПАНОВЪ. Не надо, не надо, красавица! Теперь еще рано закусывать. Я долженъ отсюда вернуться къ моему полковнику, а потомъ быть въ строю, на сегодняшнемъ торжествѣ.

ГУСТАВЪ. Вотъ видишь-ли, батюшка, я тебѣ правду сказалъ!

НОЛЬКЕНЪ. А по какому случаю будетъ торжество? Это очень любопытно узнать, если это не секретъ.

СТЕПАНОВЪ. Какой тутъ секретъ! Сегодня будутъ праздновать нашу

побѣду морскую и основаніе крѣпости Санктпетербурга. За эту первую побѣду русскихъ на морѣ, отслужать на новой площади, близъ маленькаго, царскаго дворца, благодарственное молебствіе. Послѣ этого первый кавалеръ ордена Святаго Андрея Первозваннаго, адмиралъ Головинъ, по рѣшенію фельдмаршала графа Шереметева и всего его совѣта, возложить знаки этого ордена на Его Царское Величество и на князя Александра Данилыча Меншикова, такъ какъ они командовали нашими лодками, которыя взяли на обордажъ два шведскіе корабля. Въ это время мы, преображенцы и семеновцы, грянемъ изъ всѣхъ пушекъ и ружей три залпа, и крикнемъ: ура! Потомъ всѣмъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ, которые были въ морской баталіи, фельдмаршалъ раздастъ золотыя медали, офицерамъ на золотыхъ цѣпяхъ, а нижнимъ чинамъ на голубыхъ лентахъ. Послѣ того пройдемъ церемоніальнымъ маршемъ передъ фельдмаршаломъ, а въ заключеніе на площади начнется пиръ.

НОЛЬКЕНЪ. Это будетъ любопытное, трогательное зрѣлище! Еслибъ я былъ помоложе и ноги были-бы у меня покрѣпче, то непременно пошелъ-бы посмотреть на это зрѣлище, даромъ, что я шведъ.

СТЕПАНОВЪ. Такъ! Ты шведъ, но ужъ русскій шведъ! Всѣ здѣшнія мѣста уже завоеваны русскими.

НОЛЬКЕНЪ. Я опасюсь, однако-жъ, чтобы шведская эскадра не помѣшала торжеству и не причинила-бы сегодня какой-нибудь неожиданной непріятности.

СТЕПАНОВЪ. Какая тебѣ шведская эскадра, дѣдушка! Она стрѣляла въ наши лодки изъ всѣхъ своихъ пушекъ во время баталіи, но когда увидѣла, что мы два корабля взяли, то подняла паруса и ушла обратно въ море.

НОЛЬКЕНЪ (*въ раздумьи*). Странное дѣло и, даже можно сказать, сомнительное.

СТЕПАНОВЪ. Да ужъ не сомнѣвайся, дѣдушка! Я тебя не обманываю.

НОЛЬКЕНЪ. Помилуй, почтенный! Не объ этомъ рѣчь. Мнѣ только очень любопытно узнать: какъ это вы взяли на лодкахъ два шведскіе корабля?!

СТЕПАНОВЪ. Изволь, я тебѣ расскажу. Шведская эскадра стала на якорь довольно далеко въ морѣ, потому-что былъ противный вѣтеръ, и она не могла достать лоцмановъ съ берегу, для безопаснаго ввода кораблей въ Неву. Только два передовые шведскіе корабля успѣли прилавирировать къ устью Невы и также бросили якорь въ ожиданіи лоцмановъ и попутнаго вѣтра. Вотъ, насъ, преображенцовъ и семеновцевъ, и посадили въ большія лодки. Дѣло непривычное, новое, однако-жъ мы,

пѣхотинцы, такъ лихо гребли, и такъ славно рулемъ правили, что только другъ-на друга посматривали и думали про себя: ужъ не моряки-ли мы?

НОЛЬКЕНЪ. Чудное дѣло!

СТЕПАНОВЪ. Вотъ, справа и слѣва двухъ шведскихъ кораблей и появились вдругъ, неожиданно, нежданно, по пятнадцати большихъ, гребныхъ лодокъ. Между-тѣмъ сдѣлалось, на наше счастье, безвѣтріе, а дѣло извѣстное, что безъ вѣтру всякій корабль по неволѣ стой на одномъ мѣстѣ.

НОЛЬКЕНЪ. Правда, совершенная правда! Я самъ по опыту знаю, что значить безвѣтріе или штиль въ морѣ.

СТЕПАНОВЪ. Ну, вотъ, два передовые корабля и стоятъ, и эскадра стоитъ. Одною половиною лодокъ командовалъ самъ Царь, другою князь Меншиковъ.

НОЛЬКЕНЪ, ГУСТАВЪ Ц ХРИСТИНА, Самъ Царь?

СТЕПАНОВЪ. Ну да, самъ Царь, Петръ Алексѣевичъ. Вотъ мы гребемъ да гребемъ, и подплыли уже близко къ кораблямъ. Шведы, видимъ, засуетились. Царь и князь Меншиковъ велѣли наровить къ носу, да къ кормѣ кораблей, которые все старались повернуться къ намъ бортомъ, но мы все увертывались. Наконецъ имъ какъ-то удалось стать къ намъ бортомъ, да не совсѣмъ. Вдругъ одинъ-то корабль, на который напалъ царь, какъ грянетъ залпомъ изъ пушекъ!

НОЛЬКЕНЪ. Что-же?

СТЕПАНОВЪ. Дымъ заходилъ облакомъ и скрылъ все лодки, которыми Царь командовалъ. Господи Боже мой! У меня сердце такъ и замерло! Сохранилъ ли Господь Царя-то? думаю я самъ про себя. Въ это время другой корабль и въ насъ хватилъ изъ пушекъ цѣлымъ бортомъ.

НОЛЬКЕНЪ. Ну?

СТЕПАНОВЪ. Однако жъ вреда сдѣлалъ намъ немного. А мы между-тѣмъ въ дыму-то гребемъ да плывемъ. Вся шведская эскадра открыла тогда по насъ жестокой огонь, но мало намъ сдѣлала вреда, потому-что слишкомъ далеко стояла. Въ это время громко раздался царскій голосъ! «Впередъ! на обордажь!» Князь Меншиковъ повторилъ эту команду. А у насъ, замѣтите, не было на лодкахъ ни одной пушки, потому, что лодки не сдержали-бы пушекъ, а были у насъ только наши родные ружья со штыками, тесаки, да ручныя гранаты.

НОЛЬКЕНЪ. Господи! Да это какое то чудо!

СТЕПАНОВЪ. Разсмотрѣлъ я сквозь густой дымъ корабельную корму. Мы забросили на корабль веревочныя лѣстницы съ крючьями, швырнули на палубу наши ручныя гранаты и полѣзли на корабль со штыками.

И на прочихъ лодкахъ сдѣлали тоже. Шведы намъ дали, правду сказать, храбрый отпоръ. Да нѣтъ! Мы одолѣли! Штыки-то, это ужъ по нашей части, по части пѣхоты. Въ дыму за два шага ничего не было видно. Наконецъ, пальба начала замолкать, дымъ прочистился, и тогда я увидѣлъ, что на кормѣ одного корабля стоитъ нашъ Царь со шпагой въ рукѣ, а на кормѣ другаго — князь Меншиковъ. Гляжу: шведскій флагъ спускаютъ на обоихъ корабляхъ. Значить, непріятельскія суда сдались. Вотъ мы и затянули такое громкое и продолжительное ура! что, я думаю, всполошили всѣхъ рыбъ въ Финскомъ заливѣ.

НОЛЬКЕНЪ. А шведская эскадра, почтенный капралъ, — что случилось съ нею?

СТЕПАНОВЪ. Эскадра? Она, воспользовавшись поднявшимся вѣтромъ, но только противнымъ, снялась съ якоря и уплыла въ море. Видно до нея дошла вѣсть, что ужъ Ніеншанць взятъ русскими. Ахъ, да! я и забылъ вамъ сказать... это вамъ, безъ сомнѣнія, будетъ пріятно. Вашъ пріятель, ну, знаете, тотъ, который хотѣлъ дать стречка черезъ ручей на Каменномъ островѣ, и въ котораго я прицѣлился...

ГУСТАВЪ. Василій?!

СТЕПАНОВЪ. Ну, да! Онъ такъ отличился важно въ этой морской баталіи, что, просто — мое почтеніе! Князь Александръ Данилычъ принялъ его волонтеромъ въ нашъ Преображенскій полкъ. Онъ, во-первыхъ, на передовой лодкѣ, на которой плылъ князь, исполнялъ должность лоцмана, и такъ искушено, что ни одна наша лодка не попала на мель, а во-вторыхъ, съ передовой лодки князя, гдѣ находился и я, взлѣзъ онъ за мною вторымъ на корабль, и такъ работалъ штыкомъ, какъ будто весь свой вѣкъ служилъ въ пѣхотѣ.

ХРИСТИНА (про себя). Слава Богу!

ГУСТАВЪ. Какъ я радъ за моего друга!

НОЛЬКЕНЪ. Это пріятно слышать, очень пріятно!

ГУСТАВЪ. Гдѣ онъ теперь?

СТЕПАНОВЪ. Да Богъ его знаетъ! Во время баталіи я потерялъ его изъ глазъ, и съ-тѣхъ-поръ не видалъ. Вѣроятно, онъ, или раненъ и лежитъ въ лазаретѣ, или убитъ.

ХРИСТИНА (про себя). Боже мой!

НОЛЬКЕНЪ. Ахъ, какъ жаль, если такой прекрасный молодой человекъ убитъ.

СТЕПАНОВЪ. Не горюй, дѣдушка! Умереть за отечество такую смертью — и честно, и славно.

НОЛЬКЕНЪ. Это правда!... Скажи мнѣ, почтенный кауралъ, сдѣлай

милость: не слыхаль-ли ты чего о моемъ другѣ и сосѣдѣ, котораго вашъ полковникъ взялъ подъ-стражу?

СТЕПАНОВЪ. Вѣроятно, онъ еще содержится въ Ніеншанцской крѣпости, куда я его самъ доставилъ, и ждетъ суда. Онъ самъ во всемъ признался безъ всякой утайки.

НОЛЬКЕНЪ. Бѣдный сосѣдъ! Какъ мнѣ его жаль!

СТЕПАНОВЪ. Однакожъ, я заболтался съ вами. Боюсь, чтобы мнѣ не опоздать на торжество. Который часъ?

НОЛЬКЕНЪ. Христина! Сбѣгай въ сосѣдную комнату и посмотри на мои стѣнные часы.

ХРИСТИНА. (*Уходитъ и тотчасъ-же возвращается*). Восемь часовъ утра, батюшка!

СТЕПАНОВЪ. Ну, такъ не опоздаю. А вотъ что, дѣдушка! Я все еще не объяснилъ, зачѣмъ я къ тебѣ пришелъ. Видишь-ли: нашему полковнику велѣно занять вашъ островъ съ батальономъ Преображенскаго полка, для того, чтобы охранять его отъ внезапнаго нападенія Шведовъ. И на всѣхъ здѣшнихъ островахъ будутъ разставлены отряды. Батальонъ нашъ расположится здѣсь лагеремъ. Полковникъ послалъ меня поискать дома, или избы, гдѣ-бы онъ могъ нанять для себя хоть небольшую комнату. Ну, домовъ-то тутъ, въ вашей сторонѣ, не много, какъ вижу. Я случайно наткнулся на твой домъ, и вошелъ къ тебѣ.

НОЛЬКЕНЪ. Нанять! Да допущу-ли я это, чтобы русскій полковникъ, который великодушно простилъ моего сына, нанималъ у меня комнату за деньги! Нѣтъ! Этому не бывать! Христина! Переберись въ другую комнатку изъ своей свѣтелки, которая составляетъ самое спокойное, самое пріятное и, даже можно сказать, довольно удобное жилище во всемъ моемъ домѣ. Да прибири твою свѣтелку, знаешь, этакъ, покрасивѣ... Сообщи мой отвѣтъ, почтенный капраль, своему полковнику!

СТЕПАНОВЪ. Ладно, сообщу! Я, впрочемъ, знаю, что онъ ужъ сочтется съ тобою. За симъ всѣмъ вамъ мое нижайшее почтеніе! Мнѣ пора отретироваться! (*Уходитъ*).

НОЛЬКЕНЪ (*вслѣдъ ему*). До свиданія, почтенный капраль!

IV.

ТѢ-ЖЕ, кромѣ **СТЕПАНОВА.**

НОЛЬКЕНЪ. Странное дѣло! странное дѣло! Изъ всего я вижу, что русскіе завоевали уже всю нашу сторону. Ну, дѣлать нечего! Видно

такова воля Божія! Поди, Густавъ, посмотришь сегодняшнее торжество да и мнѣ потомъ Расскажи, что увидишь. Это очень любопытно! Я-бы и самъ пошелъ, да у меня ноги болятъ. Христина! и ты поди съ братомъ. И тебя это займетъ и, даже можно сказать, разсѣетъ.

ХРИСТИНА. Нѣтъ, батюшка! Ты нездоровъ! Какъ-же мы тебя оставимъ одного! Пусть братъ идетъ, а я останусь съ тобою.

НОЛЬКЕНЪ. Ну, такъ ты иди, Густавъ. Пожалуйста, иди!

ГУСТАВЪ. Очень хорошо, если это тебѣ угодно, батюшка! (*Уходитъ*).

V.

НОЛЬКЕНЪ и ХРИСТИНА.

НОЛЬКЕНЪ. Боже мой! Я полагаю, что мой другъ и сосѣдъ уже разстрѣлянъ, и что сынъ его убитъ! Это вѣрно!... О Боже! Я въ отчаяніи!

ХРИСТИНА (*шихо про себя*). И я!... (*Громко*). Успокойся, батюшка! Такое волненіе тебѣ вредно! Ты и безъ того нездоровъ! Побереги себя для дѣтей твоихъ.

НОЛЬКЕНЪ. Хорошо, дочь моя, поберегу; но тоска такая на сердцѣ, что ты себѣ и вообразить не можешь! (*Нѣсколько времени молчатъ. Нолькенъ, сидя въ креслахъ, мѣшаетъ кочергой дрова въ каминъ. Христина вяжетъ чулокъ. Раздаются вдали три залпа и продолжительное ура!*)

НОЛЬКЕНЪ (*вскочивъ съ креселъ*). Что это, Христина! Опять сраженіе?!

ХРИСТИНА. Нѣтъ, батюшка! Ты, вѣрно, забылъ, что сегодня рускіе торжествуютъ свою побѣду?

НОЛЬКЕНЪ. Ахъ, да! забылъ, дочь моя, совсѣмъ забылъ! Я все думалъ о моемъ вѣрномъ, незабвенномъ другѣ, и объ его сынѣ. Одинъ, безъ сомнѣнія, разстрѣлянъ, а другой убитъ! Много перенесъ я горя въ своей жизни, но никогда не ожидалъ такой печали и тоски на старости. (*Опять нѣсколько времени оба молчатъ. Слышенъ издали маршъ, играемый на трубахъ. Музыка постепенно приближается; наконецъ съ закулисною музыкою соединяется оркестръ. Нолькенъ и Христина слушаютъ въ молчаніи. Христина смотритъ въ боковое окно. Музыка прекращается*).

НОЛЬКЕНЪ. Что это такое, Христина?

ХРИСТИНА. Сюда идетъ отрядъ русскихъ. Ужъ онъ очень близко.

НОЛЬКЕНЪ. Зачѣмъ онъ идетъ?!

ХРИСТИНА. Я думаю, что это батальонъ, о которомъ намъ говорилъ сегодня русскій капралъ.

НОЛЬКЕНЪ. Можетъ быть! Очень можетъ быть!

ХРИСТИНА. Вотъ, весь отрядъ остановился. Солдаты поставили ружья въ пирамиды.

VI.

ТѢ-ЖЕ и КАРПОВЪ.

КАРПОВЪ. Здравствуй, почтенный старикъ, мой будущій хозяинъ! Капралъ сказалъ мнѣ, что ты согласился отдать мнѣ комнату въ наемъ.

НОЛЬКЕНЪ. Въ наемъ, полковникъ! Нѣтъ, этому не бывать! Вы меня обижаете. Извольте пользоваться комнатою въ моемъ домѣ, сколько вамъ будетъ угодно; но я отъ васъ не приму за это ни гроша, и даже, можно сказать, ни полушки. Благородно-ли было-бы съ моей стороны, еслибъ я...

КАРПОВЪ. Ну, хорошо! Спорить не станемъ. Какъ-нибудь сочтемся въ послѣдствіи. Но вотъ только что: я ни какъне соглашусь лишить твою дочь ея комнаты. Нѣтъ-ли у тебя какой другой?

НОЛЬКЕНЪ. Есть маленькая, низенькая, объ одномъ окошкѣ, под самую крышею. Да какъ-же можно, полковникъ, чтобы я назначилъ ее вамъ, моему благодѣтелю, моему...

КАРПОВЪ. Я страстный охотникъ до маленькихъ и низенькихъ комнатъ.

НОЛЬКЕНЪ. Какое-же сравненіе—свѣтелка моей дочери! Она выше, просторнѣе, о двухъ окнахъ съ большимъ шведскимъ каминномъ; видъ изъ оконъ прекрасный на нашу рѣчку. Нѣтъ, я отведу вамъ эту свѣтелку.

КАРПОВЪ. Ни за что не соглашусь! Дай мнѣ маленькую комнату. Это мой вкусъ, это моя страсть.

НОЛЬКЕНЪ. Странно! Впрочемъ, какъ вамъ угодно. Не сердитесь на меня въ послѣдствіи.

КАРПОВЪ. Не стану сердиться. Будь спокоенъ. Я къ тебѣ сегодня-

же персберусь съ моимъ походнымъ скорбомъ. Все это легко умѣстится въ твоей маленькой комнатѣ, и я съ сегодняшняго-же дня дѣлаюсь твоимъ жильцомъ.

ПОЛЬКЕНЪ. Очень буду радъ. Полковникъ, очень буду радъ! За особенную честь почту!

КАРПОВЪ. Да что ты, старичокъ, такой пасмурный, такой печальный? Сегодня у насъ, русскихъ, на новой нашей площади было такое величественное торжество, которое и наши правнуки будутъ помнить. Ахъ, еслибъ ты видѣлъ восторгъ всего войска, когда графъ Головицъ возложилъ знаки ордена Святаго Андрея на его Царское Величество и на князя Меншикова. Загремѣли залпы, раздалось оглушительное, нескончаемое ура! У меня, такъ какъ и у всего войска, навернулись слезы умиленія и восторга. Ахъ! какая это была высокая минута!

VII.

ТЪ-ЖЕ ГУСТАВЪ.

ГУСТАВЪ (*вбѣгая и не замѣчая Карпова*). Батюшка! Батюшка! Я все видѣлъ! Я, просто, въ восторгѣ!... (*Увидѣвъ Карпова*). Ахъ, полковникъ! Извините!

КАРПОВЪ. Не въ чемъ, не въ чемъ! (*Христинь*). А ты, красавица, скажи мнѣ: отчего ты такъ свою головку повѣсила и кажешься такою печальною?

ХРИСТИНА. Батюшка мой такъ тоскуетъ о своемъ другѣ Ивановѣ, котораго вы взяли подѣ-стражу, что я очень боюсь, чтобы батюшка мой не захворалъ.

КАРПОВЪ. А!.. Понимаю.

VIII.

ТЪ-ЖЕ и ЭЛІАСОНЪ.

ЭЛІАСОНЪ (*вбѣгая*). Я все витѣла, все витѣла! Такая чутное торжество не тошитай въ тругая разѣ въ шизни. Какъ я рата пыла опять увитать русскій Царь. Я плакала, ей Богу, плакала! Вотъ, и теперь плакала! (*Утираетъ себѣ глаза кулакомъ*).

КАРПОВЪ (*тихо Густаву*). Кто это такой?

ГУСТАВЪ. Это нашъ старинный пріятель, здѣшній рыбакъ Эліасонъ. Онъ нѣсколько разъ бывалъ въ Россіи, и очень любитъ русскихъ.

ЭЛАСОНЪ (*увидѣвъ Карпова*). Ай!.. Извинить меня, почтенная епераль! Виновата!

КАРПОВЪ. Ничего, любезный, ничего!

НОЛЬКЕНЪ (*въ задумчивости*). Все радуются, а я одинъ тоскую, невообразимо тоскую! Добрый полковникъ! Вы знаете, что неизвѣстность мучительнѣе всего. Я все думаю объ участи моего стараго друга и его сына. Навѣрное, одного разстрѣляли, а другой убить. Скажите мнѣ: прямо такъ?

КАРПОВЪ (*улыбаясь, едва примѣтно*). Ничего объ нихъ не слышалъ и не знаю. А впрочемъ, я сейчасъ-же справлюсь объ нихъ отъ вѣрнаго человѣка, и ты узнаешь всю правду. (*Подходитъ къ окну и кричитъ*). Степановъ! Войди сюда!

ЭЛАСОНЪ (*вполголоса*). Прекрасна Христинъ! Не горюй. Не ната!

ХРИСТИНА (*вполголоса*). Какъ мнѣ не горевать, когда я боюсь, чтобы мой батюшка не умеръ съ тоски! Да я и сама умру съ тоски. Бѣдный сосѣдъ! Бѣдный Василій, котораго я любила съ дѣтства, какъ брата.

IX.

ТЪ-ЖЕ и СТЕПАНОВЪ.

КАРПОВЪ. Подойди поближе ко мнѣ. (*Шепчетъ что-то на-ухо Степанову*).

СТЕПАНОВЪ. Слушаю, ваше высокоблагородіе. (*Уходитъ*).

X.

ТЪ-ЖЕ, кромѣ СТЕПАНОВА.

ГУСТАВЪ (*Нолькени, который сидитъ въ креслахъ передъ каминомъ, съ признаками глубокаго унынія*). Батюшка! побереги себя! Не предавайся такъ своему горю.

НОЛЬКЕНЪ (*мрачно*). Любезный сынъ! Не желаю тебѣ подобныхъ минутъ и такихъ мученій!

ЭЛАСОНЪ (*вполголоса*). Прекрасна Христинъ, не плачь! Не ната! Я снай, что ты Василья любила, и что онъ тебя любила. Но если шведъ упивала его на паталія, то у тебя есть тругая шенихъ это... это ... я.

XI.

ТЪ-ЖЕ, СТЕПАНОВЪ, ИВАНОВЪ и ВАСИЛІЙ. Последній въ преображенскомъ мундирѣ.

СТЕПАНОВЪ (*Карпову*). Привелъ, ваше высокоблагородіе!

КАРПОВЪ. Хорошо! Остаешься здѣсь.

И вѣсть } ХРИСТИНА (вскакивая радостно съ креселъ). Боже мой!

ГУСТАВЪ. Василіи!

ЭЛІАСОНЪ (не ловко прыгая отъ радости и потирая себѣ руки).

Славна! Славна!

(Карповъ и Степановъ стоятъ въ сторонѣ и молча улыбаются).

НОЛЬКЕНЪ (не вставая съ креселъ и оглянувшись на пришедшихъ). Господи! Не сонъ ли это? (Вскакивая съ креселъ). Сосѣдь! Это ты?

ИВАНОВЪ. Я! я! старый, вѣрный другъ мой! (Обнимаются съ восторгомъ).

НОЛЬКЕНЪ (то плачетъ, то хохочетъ). Я рѣшительно одурѣлъ! Я боюсь съ ума сойти отъ радости! Да какимъ-образомъ?.. да какъ ты?..

ИВАНОВЪ. Русскій Царь простилъ меня за заслуги моего сына и за мое чистосердечное раскаяніе. И я, на старости лѣтъ, опять русскій! Опять могу взять свою саблю, и за моего великаго Царя и отечество пролить съ наслажденіемъ послѣднюю каплю крови ...

НОЛЬКЕНЪ (Иванову). А гдѣ-же сынъ твой? (Вздыхаетъ). Онъ убитъ, какъ я слышалъ?

ИВАНОВЪ. Вотъ онъ, Карлъ Карлычъ!

НОЛЬКЕНЪ. Ба! въ преображенскомъ мундирѣ и съ золотою медалью на груди! Я тебя совсѣмъ не узналъ! Поздравляю! поздравляю! (Обнимаетъ и цѣлуетъ Василья съ восторгомъ. Потомъ обращается къ Карпову). Полковникъ! Это ваше все дѣло?

КАРПОВЪ. Нѣтъ.

НОЛЬКЕНЪ. Такъ чье-же?.. Ахъ, полковникъ, извините! Я въ своей тоскѣ и не замѣтилъ на васъ знака царской милости. (Увидѣвъ Степанова). Ба! да тутъ, я вижу, и знакомый, почтенный каураль, у котораго также медаль на груди! А я, дуралей, ничего этого сначала не замѣтилъ. Отъ всей души, отъ искренняго сердца поздравляю всѣхъ васъ. Кто-же это превратилъ мою печаль въ радость? Безъ сомнѣнія, вы, полковникъ?

КАРПОВЪ. Нѣтъ, не я, а нашъ Царь!

НОЛЬКЕНЪ. Добрый, мудрый, великій Царь, и, даже можно сказать ... можно сказать ... въ первый разъ въ моей жизни не могу приискать довольно сильнаго слова для выраженія моего чувства благоговѣнія къ нему и моей благодарности.